

№ 12 (228) Санкт-Петербург - 2015 <http://rinvalid.ucoz.ru>

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

РУССКИЙ

ИНВАЛИД

С НОВЫМ ГОДОМ!

Обращение губернатора Г.С. Полтавченко по случаю Международного дня инвалидов

ДОРОГИЕ ПЕТЕРБУРЖЦЫ!

Третьего декабря во всем мире отмечается Международный день инвалидов. Этот день стал символом доброты и участия, нашей общей ответственности за благополучие людей, нуждающихся в особом внимании и заботе.

Для Санкт-Петербурга, в котором живут 668 тысяч инвалидов, вопросы социальной поддержки стоят на первом месте. Мы создаем в городе доступную среду для инвалидов, помогаем с трудоустройством, обеспечиваем условия для занятий спортом и творчеством, для восстановления сил и здоровья. Более половины инвалидов проходят реабилитацию по индивидуальным программам. Благодаря усилиям государства и общественных организаций, комплексному подходу к решению социальных проблем за последние годы число инвалидов в нашем городе снизилось почти на 20 процентов. Все больше становится людей, которые активно участвуют в жизни города, работают, представляют Санкт-Петербург на международных фестивалях и спортивных аренах.

Сегодня наша главная задача – дать всем петербуржцам уверенность в своих силах, в том, что они нужны обществу. Каждый из нас должен помнить, что помогая другим, мы помогаем себе строить будущее нашего города и страны.

Желаю всем петербуржцам здоровья, мира и добра, счастья и благополучия!

Губернатор Санкт-Петербурга

Г.С. Полтавченко

Колонка Редактора

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Когда вы возьмете в руки двенадцатый номер «Русского Инвалида», скорее всего до Нового високосного года останется несколько дней, а то и несколько часов. Прощаясь с 2015 годом, давайте все-таки запомним лучшие события и пожелаем себе и своей Родине, чтоб ничего плохого не повторилось в 2016 году!

Редакция «РИ» решила отметить ушедший год, который был Годом литературы, литературным номером. Двенадцатый номер – это произведение наших постоянных прозаиков и поэтов и новых авторов.

Надеемся, что вы наши читатели, все прочтете с удовольствием и оцените труд наших авторов. Тем более, что 2016 год – юбилейный для «РИ». 29 октября исполнится 25 лет со дня выхода первого возрожденного номера. И дай Бог всем нашим авторам здоровья, стабильности и терпения, чтобы вместе встретить юбилей.

А по восточному, китайскому, гороскопу, год 2016 – год обезьяны. Вот что о таком годе писал наш автор Владимир Волконский в своей поэтической книге:

**«В год беспокойной Обезьяны
Нам не придется унывать.
Её ужимки и кривлянья
Иным политикам подстать.
Добившись общего признанья,
Они нам продолжают врать.
Зовут в несбыточные дали,
И мы потом годами ждем,
Чтоб и сбилось, что обещали,
И весь процесс пошел путем...».**

Ну, это было написано давненько, но пораскинуть мозгишками можно: кто прав – поэт или политики...

Впрочем, надо серьезно отнестись к новому 2016 году. Конечно, на изобильную жизнь рассчитывать нечего: придется потуже затягивать пояса, экономней, расчетливей, жить и веселиться, работать, не покладая рук, и не ждать, когда ближние и дальние соседи-друзья-господа подберут к нам, поумнеют, поскромнеют. Надо только надеяться на себя! И поменьше летать в те страны, где много «двуногих обезьян», готовых совать палки в колесо нашей Руси-тройки, как в девятнадцатом веке назвал Россию Гоголь. Пора, давно пора отдыхать на просторах своей Родины. И все будет нормально и спокойно. Берегите себя и своих близких.

**Да будет мирным и добрым 2016 год!
С наступающим Новым годом, милые читатели и авторы
«Русского Инвалида»!**

Примите пожелания от Александра ПОЛЕВИЧА:

**Пошли вам бог не жаркого пера,
Не райских яблок и не рек кисельных,
Пошли вам бог душевного добра,
Уверенности, нежности, веселья!
Богаты будьте красотой и лаской,
Щедры на красоту и доброту!
Да будет жизнь прекраснее, чем в сказке,**

**Хотя б на день,
Хотя б на час в году!
* * *
Друзья, желаем вам любви,
Желаем счастья, смеха,
Огня в словах, в делах, в крови
И множество успехов!
А главное,
Чтоб в мире был
Мир прочный и сердечный!
И каждый каждым дорожил!
И дружба была вечной!**

РУССКИЙ ИНВАЛИД

Лауреат Всероссийского конкурса, «Российская Периодика и социально уязвимые слои населения» – 1997»,
Лауреат грантов Санкт-Петербурга (2001–2002, 2004–2005, 2007–2014) в сфере СМИ, Лауреат VI Всероссийского фестиваля СМИ «Вся Россия–2001»,
Дипломант выставки «Социальный Петербург – Новые решения» – 2003»,
Дипломант конкурса «Некоммерческая пресса–2003»,
Дипломант премии Правительства Санкт-Петербурга (2005–2006),
Обладатель Почетного Диплома Законодательного Собрания (2006),
Лауреат Всероссийской премии им. А.С. Макаренко (2007),
Лауреат приза РОБД «Большая Медведица». Награждена грамотой Союза Журналистов России (2012)

«Благотворительная газета
© «РУССКИЙ ИНВАЛИД»
Учредитель и главный редактор
ГЕННАДИЙ ДЯГИЛАЕВ
Адрес для писем: 197198, С-Пб,
ул. Анны Чайкиной, д.9 (вход справа)
Тел./факс: (812) 233-71-81; 232-06-57
E-mail: rinvalid@nm.ru
www.rinvalid.ucoz.ru
«РУССКИЙ ИНВАЛИД»
В контакте
http://vk.com/rinvalid

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
При перепечатке ссылка на «РУССКИЙ ИНВАЛИД» (Санкт-Петербург) обязательна.
За достоверность фактов, отраженных в материалах, отвечает автор.

ГАЗЕТА БЕСПЛАТНАЯ,
БЕЗГОНОРАРНАЯ

Газета перерегистрирована Северо-Западным Региональным Управлением Госкомпечати РФ (Свидетельство № П4141 от 07.12.99)
№ подписан к печати 01.12.2015 г.
Заказ № ТД-00007015. Тираж 5.000 экз.
Заказ № ТД-007015/1 Тираж 5.000 экз.
Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типографский комплекс «Девиз»
199178, Санкт-Петербург,
17 линия ВО, д. 60, лит. А, пом. 4-Н

Проект реализован на средства гранта СПб в сфере СМИ

Литературный бал

Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Центрального района Санкт-Петербурга в Государственном Академическом театре им. Ленсовета 9 ноября организовал «Литературный бал» – финальный праздник чтецов с ограниченными возможностями здоровья, прошедший в рамках Года литературы в России.

В этом году гостями праздника стали дети и взрослые с ограниченными возможностями из двенадцати Центров социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов различных районов города, члены их семей, специалисты социальных учреждений, студенты ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры», граждане государственных структур и общественных объединений, спонсоры. Их встречали волонтеры – кадеты из ФГКОУ «Санкт-Петербургское суворовское военное училище Министерства внутренних дел Российской Федерации» и курсанты Михайловской военной артиллерийской академии.

Праздничную программу приветственным словом открыл заместитель начальника отдела социальной защиты населения администрации Центрального района Галахов Андрей Петрович. Со вступительной речью выступил директор театра им. Ленсовета Градковский Валерий Борисович. Он сказал, что театр является лучшим местом для проведения Литературного бала и выразил желание поддерживать эту добрую традицию.

Приятным сюрпризом праздника стало выступление Народного артиста России и актера театра им. Ленсовета Сергея Григорьевича Мигицко. Актер провел первую часть церемонии награждения, во

время которой рассказал о роли литературы в жизни человека. Живое выступление Сергея Григорьевича вызвало бурные аплодисменты зрителей и дало прекрасное творческое начало для исполнения

стихов лауреатами Литературного бала в старшей возрастной группе. Торжественную церемонию награждения продолжил отец Артемий. Победителям литературно-поэтического конкурса «Мой дом – Россия с видом на Неву» вручили дипломы, книги и цветы.

Лауреатами I-ой степени стали дети и взрослые с ограниченными возможностями здоровья из Пушкинского, Адмиралтейского, Невского районов, II-ой степени из Адмиралтейского, Выборгского, Невского и Центрального районов, III-ью степень вручили участникам из Кронштадтского и Петродворцового районов. В завершении церемонии прозвучали стихи, которые прочитали лауреаты младшей возрастной группы.

Председатель жюри конкурса «Мой дом – Россия с видом на Неву» кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры», член Российского творческого союза работников культуры – Пашедко Юлия Михайловна вручила «Специальный приз жюри» театральной студии «Солнечный кружок» Красносельского района и маленькому чтецу из Кировского района Михаилу Вердиш.

Праздничный концерт Бала состоялся из выступлений ансамбля танца «Невская акварель» ГБОУ

ДОД «Дворца учащейся молодежи Санкт-Петербурга», который исполнил «Русский» танец и мазурку, вокальных номеров в исполнении Полины Шведовой – лауреата международного конкурса «Золотая ласточка» и Николая Землянских – лауреата международного конкурса Елены Образцовой, студента Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова.

«Под занавес» Литературного бала директор СПб ГБУ «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Центрального района» Васильева Елена Николаев-

на поблагодарила спонсоров, которые помогли в проведении этого праздника: компанию «Шариков», ФГКОУ «Санкт-Петербургское суворовское военное училище Министерства внутренних дел Российской Федерации», Михайловскую военную артиллерийскую академию, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры», ГБОУ ДОД «Дворца учащейся молодежи Санкт-Петербурга».

В финале все участники праздника закружились в танце вальса.

Н.Я. ПАРГАНАЕВА, и.о. директора

Вифлеемский пастух

(Рождественская притча)

В ту ночь, когда забрезжил первый век
От Рождества, чтоб жизни не кончаться,
По городу метался человек, –
Никак в дома не мог он достучаться.
– Хозяева, нельзя ли огонька? –
Просил скорей не голосом, а сердцем, –
Хотя бы три горячих уголька.
Не для себя – для Матери с Младенцем.
В хлеву родился мальчик, видит Бог,
Лежит в яслях – холодной колыбели.
Но у почтенных граждан – сон глубок,
А кто не спал – впустить не захотели.
Квартал как будто вымер в звездный час,
Заволокло безмолвие слепое.
И Человек отчаялся, стучась,
За город побежал, в широко поле.
На пастбище всю ночь горел костер,
Вокруг него спокойно спало стадо.
И руки путник радостно простер:
– Ну, наконец-то! Это мне и надо!
Тут на него сторожевые псы
Набросились, от бешенства ощерясь.
Пастух в ответ ухмылку скрыл в усы,
В жестокосердной жажде диких зрелищ.
Но что такое? Будто в чудном сне,
Внезапно дух любви нашел на стаю.
Не слышно даже лая в тишине,

Собаки, словно вкопанные, встали.
Где грозный рык? Где щелканье зубов?
Куда девалась ярость к незнакомцу?
Собачье сердце тронула любовь,
И псы легли смиренно, словно овцы.
Пастух глаза в смятении протер:
«Нелепый сон. Как сладко в поле спится!»
Смеясь, подкинул хворосту в костер.
Он знал: к огню пришельцу не пробиться.
Срудились овцы в спящее кольцо,
И с ними на пути не разминуться.
Пахнуло жаром путнику в лицо,
Но до огня попробуй дотянуться!
Холодный пот смахнул пастух с лица:
Ужель рассудок бедного покинул?
Не шелохнулась ни одна овца,
Когда нежданный гость шагал по спинам.
– Прочь! – закричал пастух, потупив взор.
Он весь дрожал от страха и от злости:
– С тобой коротким будет разговор! –
И что есть силы, кинул палкой в гостя.
Но снова чудеса явились вдруг:
В лицо со свистом палка полетела
И, словно птица, сделав полукруг,
И волоска пришельца не задела.
Понять пастух не может: «Как же так?
Собаки не берут, и даже палка!»

Старик с лица согнал улыбкой мрак:
– Тебе огня? Хоть весь возьми! Не жалко!
Слова стекали с уст, как терпкий мед,
А сам держал за пазухою камень,
Злорадствуя: «Во что огонь возьмет?
Не понесет же голыми руками?»

* * *

...Склонился незнакомец над костром,
Взял в пятерню пяток горящих углей.
На край плаща их положил потом,
Прикрыл ладонью, чтобы не потухли.
А с пастухом случился нервный шок,
Схватился он в отчаянье за сердце:
«И надо ж, путник руки не обжег,
Цел – невредим, и плащ не загорелся!
Как будто взял не угли, а плоды,
Благодарит за доброе участие».
Пастух, желая ближнему беды,
Неволью подарил пришельцу счастье.
Внезапно в небе лунный диск потух,
Взамен луны – звезда зарделась солнцем.
– О Господи! – возвел глаза пастух
И поспешил вослед за незнакомцем.
– Эй, странник! –

он мольбой наполнил взгляд.

– Ответь, что случилось ночью этой?
И почему тебя в пути шадят
Не только Божьи твари, но предметы?
Не жалит пламя, палка не берет
И овцы не боятся темной ночью?
Как покоришь собак ты в свой черед,
Что растерзать тебя хотели в клочья?
Уж, не с небес ли к нам сюда пришел?
Такое и в помине мне не снилось.
Ответил спутник: – Здесь я ни при чем.
Иди за мной – узрешь Божью милость.

* * *

Спал Вифлеем все тем же крепким сном.
Вокруг купались в роскоши кварталы.
Да только встретил путников не дом,
Не хижина, а сумрачные скалы.
Внутри скалы пастух заметил вход.
От стужи камни за ночь побелели.
В хлеву приют нашел не только скот, –
Светился лик Младенца в колыбели.
– Так холодит, что можно помереть! –
С тревогой глянул старец на мужчину, –
Одним углем Малютку не согреть! –
И, не колеблясь, скинул с плеч овчину.
Был прежде черств, в сердцах весь мир кляня,
А тут, в пещере, щедрым стало сердце:
– Вот к Рождеству подарок от меня! –
И на колени встал, накрыв Младенца.
В тот миг увидел Ангелов пастух
И дивное услышал песнопенье.
И понял: до сих пор был слеп и глух,
Но вот пришло на старости прозреньё.
Пришел он к Богу, зло убив в себе,
Спасителя увидев в колыбели.
И Ангелы на арфе и трубе
Играли и хвалу Младенцу пели.
Их было столько, что не перечить –
В пещере, на горе, под небесами...
На радостях несли Благою весть
Божественными чудо-голосами.

* * *

И каждый год с тех пор на Рождество,
На зов души, порывам сердца внемля,
Спускаются, вещая торжество,
Посланники небесные на землю.
Кто в твердой вере, тот, сомнения нет,
Увидит их без всякого усиля:
Пронзают тьму одежды белый цвет,
Блистательны серебряные крылья.
Остановись, взгляни на небосвод,
Когда земные звуки замирают.
Ты видишь: звезды водят хоровод,
На струнах сердца Ангелы играют.
Взгляд ангельский и весел, и лучист.
Спешат гонцы развеять сумрак ночи.
И, если человек душою чист,
Ему Христос откроет в сердце очи.

Валерий ШУМИЛИН (Художник Георгий ГРОМОВ)

**ДРУЗЬЯ,
ЗАЖЖЁМТЕ
СВЕЧИ!**

Под бой курантов в Новый год Россия
Вступает по заснеженной земле,
И все невзгоды мы должны осилить.
Надежды луч забрезжил вдруг во мгле.
Да будет свет! Да сгинет тьма густая!
Гирлянды звёзд затеплились в ночи.
Воспрянь, душа! Ты видишь: сумрак тает
От каждой загоревшейся свечи.
Сквозь темень ветру зимнему навстречу
Грядут надежда, вера и любовь.
У ёлки, встав, друзья, зажжёмте свечи.
Соединив сердца любовью вновь.
А если разговор о тьме заходит,
Хочу напомнить вам в полночный час:
Есть солнце, что и ночью не заходит,
Дай Бог, чтоб свет в душе у вас не гас.
Пускай надежда веру в вас вселяет.
Да будет наша вера горяча!
И пусть душа напутственно сияет,
Как в полночь новогодняя свеча!
Под бой курантов в Новый год Россия
Вступает – даль заснежено чиста.
И свет в душе пылает негасимый
Сквозь тьму веков от Рождества Христа.

**НОВЫЙ ГОД,
ПОЖАЛУЙСТА, К НАШЕМУ СТОЛУ!**

Дуют ветры с севера
И морозы жгут.
Говорит, что семеро
Одного не ждут.
Но, сказать по совести,
Все до одного
Вопреки пословице
В полночь ждем его.
Ширится под окнами
Синева снегов.

И сугробы охают
От его шагов.
И поэмка стелется
Вихрем по земле
И поет метелица
Песню о зиме:
«Пусть – буран шумит,
Сбивая с ног.
Новый год с дороги
Не свернет.
Приходит он
На твой порог,
Словно пешеход,
На огонек».
А мороз по шалости
Стукнет по стеклу.
– Новый год,
пожалуйста
К нашему столу!

Валерий ШУМИЛИН

автор **Клара АНИКИНА**

Так уж сложилась моя судьба – многие десятилетия жизнь идёт двумя путями-линиями: обычная офицерша и параллельно – журналист. Много на этой параллели случается всякого забавного. Вот сочинила-придумала два рассказика из обеих линий судьбы и мечтаю, чтобы редактор познакомил с ними читателей нашей благотворительной газеты «РИ».

РАССКАЗЫ

Шляпа или ошейник?

Этот случай довольно долго обсуждался в наших коммунальных кухнях...

Свекровь приехала из ГДР – Германской Демократической республики, где свёкор – полковник служил уже два года в группе советских войск вблизи Дрездена, а тёща, супруга другого полковника, прилетела с Дальнего Востока. Обе мамы – Галины и старшего лейтенанта Виктора приехали с подарками по случаю дня рождения внуков: двойняшкам – Севке и Славке в конце декабря исполнялось по году, и решено было устроить знатный сабантуй – объединить дни рождения внуков и празднование Нового года.

Виктор служил в гвардейском полку, уже получил второй класс и теперь Виктор и другие офицеры его эскадрильи ждали «минимуса», то есть плохой погоды, да ещё ночной плохой погоды, чтобы выполнить сложные полёты и получить первый класс. Вот это был бы новогодний подарок родным полковникам – отцу и тестю.

В комплекте подарков, привезённых из ГДР и Дальнего Востока, были игрушки и одёжки, красная икра и копчёная сёмга, но самым-самым подарком оказался столовый сервиз. На 24 персоны: куча разных тарелок и тарелочек, салатников и селёдочниц...

Но в этом изобилии фарфора была и неожиданная большая ёмкость – супница, с ярким крупным рисунком, повторявшим сюжеты на тарелках и блюдах. Крышка супницы уютно лежала на белоснежных «отворотах», изящно окаймлявших ёмкость, которая сразу же была перепрофилирована в компотницу – эскадрилью можно напоить компотом!

Компот варился в большой кастрюле, а супницу к наполнению компотом готовила Галина: она осторожно сняла фабричную этикетку с донышка, вымыла

и вытерла до блеска крышку, полюбовалась изящным пейзажем, изображенным на ней. Так же, любуясь дорогой вещью, осторожно обтёрла полотенцем супницу и потопала к мамам, которые наряжали красивую искусственную ёлку и вспоминали свой дальневосточный гарнизон, где их дети познакомились «на всю оставшуюся жизнь», где пышные настоящие ёлки привозили на грузовике из подшефного лесхоза, и в каждой квартире пахло смолистой тайгой.

Галина шла мимо зеркала в прихожей и внезапно остановившись, примерила супницу, представив, что это – шляпа. Да еще, какая красивая: яркие цветы и листья романтического пейзажа, бликующие от надзеркальной лампы, оттеняли розовые щёки молодой мамы. Галина подняла руку, чтобы поправить прядку русых волос, выбившихся из-под фантастической шляпы.

Но, ах, – одной рукой шляпу надо лбом не удержала, и она – шляпа – съехала на плечи. Галина даже не удивилась, ей стало смешно – она представила себя в этой супнице, как в водолазном шлеме. Лихо обхватила круглые бока пленившей её шляпы и дёрнула кверху, но снять не удалось. Тогда она pokrutila фарфоровый сосуд, стараясь уже осторожно, снять его с головы. Опять неудача. Молча она несколько минут сражалась за своё освобождение – безуспешно.

– Галка, где там возишься, оставь детей в покое – пусть возьмется на ковре. Иди к нам, – позвали занятые ёлкой мамы. Она с первых дней замужества звала свекровь мамой – так жёны её братьев звали Галину маму – традиция их казацкого, а теперь авиационного рода.

– Долго тебя ждать? – уже сердились полковничихи.

– Я не могу-у-у-у! – прогудело из прихожей. Обе мамы бросились туда. Освещённую яркой лампой Галину они сначала приняли за призрак. Разобрав в чём

дело, покатались со смеху, думая, что дочь-невестка решила пошутить.

– Галка, снимай новую шляпу, пошли, посмотришь ёлку, хороша ли...

– Не могу я её снять, – чуть не плача прогудела пленница.

– Давай, я сниму, – и мама обняла ёмкость своими полными ладошками, пытаясь снять её с головы дочери. Несколько раз повертела, не получалось...

– Ну-ка я попробую, – предложила свекровь. – Никак, голова у тебя распухла, – улыбнулась свекруха, но шутки, ни дочь, ни подруга не приняли.

В дверь позвонили, когда три женщины уже были в тревоге – детей пора кормить, а Галину никак не вызволить. Соседке открыли, она сначала посмеялась, а поняв, что в доме не до смеха, быстренько убралась в соседнюю комнату.

– Хоть бы Виктор скорее пришёл, – тоскливо прогудело из-под шляпы.

– Вроде ночные полёты давно кончились, чего задерживаются – «светлое время суток» давно настало, – и мама Виктора пошла к детям, которые ползали по ковру, пытались встать, хватаясь за край кровати. Бабушка с умилением наблюдала усилия внучат и смотрела в окно, надеясь первой увидеть сына.

Ночные полёты успешно завершились. И погода не подвела – была скверной-прескверной. Рассвет, как водится при необходимом «минимусе», был тусклым, но все же наступление светлого времени суток радовало офицеров – эскадрилья отлеталась отлично, лётчики и штурманы кто подтвердил свой первый класс, кто был уверен, что результат полёта даёт право вскоре получить значок с крылышками и яркой цифрой – «1». Виктор ликовав, слушая комэска, который от имени командира полка благодарил эскадрилью за отличные полёты. Шли в гарнизон, весело переговариваясь, с благодарностью взглядывая на унылые холодные тучи: «минимус» состоялся, Новый год – вот он!

На осевший от недавней оттепели снег тихо падали редкие снежинки. Дорога в гарнизон шла по степи, на краю которой была балка – довольно глубокий и широкий овраг. Офицеры, похожие на медвежат в своих теплых «меховушках» и в мохнатых унтах, которые Виктор, когда был маленьким, встречая отца, называл – «сапоги-собаки». Когда они подошли к балке, было совсем светло и по накатанному снегу уже носились саночки – у школьников начались каникулы, и гарнизонный малый народец осваивал свою традиционную полосу.

Вниз санки летели вихрем, взмывая на противоположный склон. Чемпионом считался тот, кто выше всех остановится на «той стороне». А самые смелые-умелые съезжали на ногах по самой крутой полоске, скользкой от того, что её специально поливали водой.

На эту полоску не пускали малышей – тут катались старшекласники – стоя, балансируя руками, как крыльями.

Идущие домой после ночных полётов авиаторы тоже лихо скатились вниз по этой ледяшке.

Внизу стояли женщины, наблюдавшие катания самых маленьких и перебивавшие косточки тех, кого тут не было.

– Виктор Севастьяныч, беги скорей домой – там тебя ждут, не дождутся! – крикнула та, что рассказывала соседкам, в какую шляпу нарядилась жена Виктора.

– Дети!? – всполошился старлей.

– Нет-нет, Галочка твоя учудила, – и старший лейтенант, включив форсаж, через секунду был на верху балки, а через минуту взлетел на третий этаж.

– Наконец-то, мы тебя ждём, не дождёмся, – встретила тётца. Мать выглянула из детской и прикрыла дверь: – Я лучше с детьми посижу...

Галина сидит на диване с яркой, закрывающей всё лицо фарфоровой шляпой, надвинутой на плечи.

Виктору стало ужасно смешно:

– Ну, жёнушка, ты и учудила! Несите фотоаппарат, приказал он обеим матерям, стаскивая унты и сбрасывая на пол меховую куртку. Он принял обстановку в доме за яркую новогоднюю шутку – его жена была известна, как выдумщица всяких фантазий.

– Так, хорошо сидишь, – и он щёлкнул затвором своего «Зенита» с отличной оптикой.

– Теперь встань и возьми «руки в боки» – вроде гопак танцуешь.

– Какой гопак, – горестно вскричала тётца, – мы же её не можем вызволить из этой супницы, будь она неладна!

– Ничего себе!!! А я думал – новогодний подарок. Ладно, сниму я с неё эту штуковину, а фотки будут знатные!

Переодевшись, убедился, что Севка и Славка спокойно возьмётся под наблюдением бабушки, подошёл к Галине и решительно приступил к освобождению супруги.

– Мы уже пробовали – не получилось, может, у тебя, – не совсем уверенно предположила тётца.

– Так, – решил молодой лётчик первого класса, – оставьте нас. – И Галина мама послушно удалилась к ёлке, положила разноцветные носочки с подарками для маленьких внучат под ёлку на ватный «снег» и ушла на кухню.

Через несколько минут сюда зашёл Виктор:

– Дайте что-нибудь деревянное, – попросил он, тётца, недоумевая, зачем, подала ему скалку.

– Галь, закрой глаза и ничего не бойся – разобью я эту чертовину и освобожу тебя из плена!

– Жалко компотницу, – загудела жена, дети испугаются стука, завопят.

– Тебя увидят – не только завопят, а заиками станут! Этого хочешь? Закрывай глаза! – и Виктор, осторожно взмахнув скалкой, стукнул по фарфоровой шляпе.

Осколки посыпались на диван, грохота, которого боялась Галина, не было, дети в соседней комнате лезли по бабушке, рассевшейся на ковре.

– Ой, не могу, – завопил Виктор, увидев жену без супницы на голове, но с фарфоровым ошейником. Хотели все: мать Виктора с внуками на руках и его тётца, даже Галка посмеялась, разглядывая себя в зеркале.

Окончание см. на стр. 10-11

Шляпа или ошейник?

Окончание, начало см. на стр. 8-9

Снять ошейник было не легче, чем «шляпу-шлем-супницу». Стали думать, как освободить бедную Галочку – обе мамы всегда звали её Галкой, но тут был особый случай: она стала «бедной Галочкой».

– Голова у тебя, что ли меняет размеры, да и шея что ли отекает – сокрушённо размышляет Виктор, – как же ты напялила эту кастрюлю фарфоровую, и как прикажешь тебя освободить от ошейника?

– Только на цепь не сажай, разбей этот клятый ошейник, как супницу размолотил, – Галка, хоть и несчастная, но старалась быть в своём репертуаре.

Виктор задумался – разбивать стеклянный ошейник на горле, как?

– Придумал! Сейчас ты будешь свободна, – и Виктор снимает с почётного места свой оставленный на память матросский ремень с блестящей бляхой.

– Мама, Витька меня ремнём хочет...

Свекровь и теща влетели в комнату. Виктор, не слезая воплей жены, закладывает бляху между шеей милой жёнущки и фарфоровым «ошейником».

– Отвернись, ударю не-е-ежно, и он стукнул по белым отворотам бывшей супницы...

– Вот чёрт! Зараза! – Виктору удалось отбить только осколок, ошейник на шее с треугольной выемкой красовался на «бедной Галочке».

– Тут без ножовки не обойтись, – предположила свекровь.

– Вот ещё, – возмутилась теща.

Виктор достал свой шёлковый шарф, замотал его вокруг горла жены, снова приладил пряжку и энергично ударил скалкой и – ура! – Галка освободилась от ошейника.

Обе мамы уже кормили детей и не видели, как закончился процесс освобождения.

...На праздничный стол, когда дошла очередь до компота, водрузили пятилитровую кастрюлю, украшенную замечательной крышкой от супницы, разбитой на голове бедной Галочки.

А уж как хохотали полковники – отец и тесть – прилетевшие прямо к Новому году, когда Галка сама в лицах рассказала о своём приключении.

ГОЛУБАЯ КРОВЬ

Это случилось, когда наша революционно-демократическая страна плавно переходила из социализма с человеческим лицом – по Горбачёву – в рыночную экономику по Чубайсу-Ельцину. Мы ждали перемен, и непременно к лучшему: шоковая терапия – по Гайдари – всё быстренько поставит на место. Мы ждали. Продолжали трудиться, каждый день ожидая, что «завтра будет веселей!». Но – было трудно...

Наш шестнадцатистраничный еженедельник выходил регулярно, и мы над каждым номером просто тряслись, чтобы заинтересовать читателя, отвлечь его от грустных дум и трудных хлопот. Стали публиковать даже анекдоты. Правда, не мы первые начали – даже большие серьёзные газеты отводили колонки для «развлекухи», как горько шутили сами кolumnисты.

Время было тревожное, мелькали иноязычные словечки: ваучеры, менеджеры, ресепшен и т.п. Но ещё журналисты переходили из одной газеты в другую, подыскивая такую, что надёжно не закроется в ближайшем будущем.

Вот и в наш благополучный еженедельник просился молодой и перспективный журналист, как говорили о нём знающие его товарищи.

Редактор объявил, что на следующей летучке мы познакомимся с новым сотрудником, который заменит старую коммунистку Зинаиду Евменовну, ушедшую на заслуженный отдых.

В тот день на летучку никто не опоздал: всем хотелось увидеть новенького. На столе уютно шептал элек-

трический самовар, чуть подрагивал на нём заварочный чайник. Сахарница, печенье, расчлнённые странички последнего номера у каждой чашки, весь, целиком, еженедельник лежит во главе нашего длинного стола – там всегда восседает дежурный по номеру.

Редактор подвинулся, усадив на своё место новичка, представив его: Игорь Игоревич Смальтков. Он всем хорошо виден, и ему все хорошо видны. Летучку провели быстро. Как обычно Иван Иванович фыркал, читая так называемую «весёлую колонку» – ему эта «всеобщая затея» до зубовного скрежета не нравилась: серьёзная газета выходит с такой чепухой.

Знакомство, приправленное чаепитием, началось:

– Свои материалы я подписываю – И. Смальт, фамилия в паспорте Смальтков, я буду её менять, хоть это связано с некоторым количеством формальностей. И хлопот немало – диплом, профсоюзный билет, комсомольский...

Кажется, эти документы уже уходили в историю: на последних партийных и комсомольских собраниях те, кто уверовал в рыночную экономику и ещё не названный строй, в котором мы будем жить, рьяно рвали свои партбилеты. Однако, И. Смальт, видимо, осторожничал – мало ли как настроены аборигены – журналисты этого еженедельника.

– А зачем тебе менять фамилию, – спросил Иван Иванович Иванов, пятидесятилетний журналист, выросший из рабкоров – рабочих корреспондентов. Он гордился своей народной, как говорил, фамилией. –

Ты что ли женишься и возьмёшь более благозвучную фамилию жены?

За столом тихо хихикнули, слегка смутив И.Смальта, он приостановился:

– Видите ли, какое дело, – уже более уверенно заговорил молодой журналист. – Я, то есть семья Смальтковых, по происхождению – древний дворянский род Смальтковских.

Все уже знали – пришло такое время, что люди перестали бояться особенностей происхождения. В ход пошли даже чудом сохранившиеся церковные книги, удостоверяющие истинное дворянство простых советских граждан. Молодой журналист продолжал рассказывать свою биографию:

– В своё время дедушке удалось укоротить фамилию до Смальтков, и таким способом они с бабушкой выжили при большевиках. Слава Богу, теперь можно открыто говорить, что ты приходишь из дворян.

– Подумать только, – с восторгом прошептал на ухо соседу озорник Костя из информотдела, – и кровь-то у него, несомненно, голубая – дворянская...

– Но мне показалось, – не заметив оживления на краю стола возле Кости, – продолжал новичок, – что Смальт много интереснее, чем Смальтков, хотя Смальтковский – это, по-моему звучит солиднее – поменять паспорт, и в новой газете буду вроде новым журналистом, – и молодой человек улыбнулся смущённо и гордо.

Не терпящий многословия Иван Иванович взвёл очи горе и покачал головой: он уже узнал всё, что ему было нужно для убеждённого мнения о юном дворянине, «красавчике-хвастунишке», как про себя он его прозвал.

– Зачем такие сложности, есть у тебя псевдоним, и живи ты с ним, – в рифму воскликнул Иванов, который свою фамилию считал самой главной на Руси, но и об имени своём, видимо, чтоб уколоть новичка, не преминул уточнить:

– У каждого Ивана, мне ещё бабушка поведала, два ангела-хранителя. Это поважнее, чем дворянство...

– Ну да, Михалков тоже из дворян Михалковых, – угрюмо заметил Сергей Петрович Сидельников, на газетной полосе – С.Петров. На фоне эпидемии возрождения дворянских корней, подтверждаемых даже вытасченными из архивов старыми записями в церковных книгах, С.П.Сидельников подчёркивал своё рабоче-крестьянское происхождение и сразу невзлюбил «этого дворянчика голубых кровей».

Познакомились мы на летучке с дворянином, пока ещё Смальтковым, а в материалах газеты – И.Смальтом. Посудачили по кабинетам о его наивном мнении, что мы должны были воспринять сообщение о его дворянском происхождении с восторгом – не в каждой газете, которая ещё так недавно была органом триумvirата – парткома, профкома и комитета комсомола, служит дворянин! Где тот всеильный триумvirат, а вот тебе – возникли из небытия, сохранившиеся в дебрях общества «укороченные» для выживания дворяне.

Красавец И.Смальт, всегда одет с иголочки: тёмный костюм, ослепительно белая рубашка, яркий до-

рогой галстук – папа его заведовал каким-то отделом в Горторге, и ещё не прошла окончательно пора эксклюзивного приобретения дефицита. Среди одетых в свитера и поношенные джинсы наших коллег И.Смальт так выделялся, что посетители редакции принимали то за потерявшего работу начальника-коммуниста, пошедшего в швейцары, то за главного редактора. Нашего дворянина эта ошибка незнакомых людей не смущала, он любезно проводил посетителя к кабинету редактора, открывал дверь и произносил начальственным тоном:

– Григорий Антонович, к вам, – пропускал человека впереди себя, и получалось, что он у нас – самый главный. Его интонация некоторых раздражала, другие хихикали над его дворянской фанаберией. Писал он неплохо, и на мальчишку-журналиста не сердился. Даже остроловы-юмористы не цепляли его.

Но однажды пришлось И.Смальту вместе с Сергеем Петровичем поехать в командировку в глубинное село нашего района – ещё была у редакции старенькая машина и ещё работал водитель Кузьма Михалыч, шофёр высшего класса. Но на скользкой просёлочной грунтовке машина съехала с обочины, покачалась-покачалась на краю и тихо легла на бочок. Даже стёкла не разбились – трава хоть и мокрая, но мягкая была. Выбрались, отряхнулись. И вдруг Сергей Петрович так расхохотался, что Кузьма и Игорь подумали, что он от неожиданности и испуга впал в истерику.

На дороге ещё иногда встречаются добрые люди, и нашу редакционную старушку-машину вытащили из кювета ребята, ехавшие на ладном грузовичке.

Сергей Петрович отсмеялся, сел в замурзанную машину:

– А хорошо, что не были пристёгнуты – не выбрались бы из ремней.

– Так ты поэтому хохотал, – спросил успокоившийся Кузьма Михалыч.

– Нет, не поэтому...

Домой ехали молча. Каждый обдумывал свой материал. Сдавать надо было срочно – в редакции так всегда: пишешь, торопишься, а потом неделю ждёшь – факты стареют, а места на полосе нет.

И.Смальт рассказывая о приключении, не преминул поведать о странном смехе старшего коллеги:

– Мы оба с Кузьмой Михалычем даже испугались – так смеяться...

– И что же тебя рассмешило, – спросил Сергея Петровича Иванов.

– Расскажу, только не плачь!.. Представляешь, машина клонится, буквально падает, думать бы о том, как спастись, но я – не от страха ли – думаю: вот сейчас стукнемся о землю, и я увижу какая голубая кровь у нашего дворянина. А Кузьма так ловко уложил машину, что мы даже шишек приличных не набрали. Вот мне и смешно было до коликов – не состоялись мои «жданки».

– Да и, слава Богу, – благодушно заключил Иванов Иван с двумя ангелами-хранителями, как его бабушка утверждала.

Клара АНИКИНА

автор Александр ПОЛЕВИЧ

Долгий свадебный кресс

(Воспоминание)

Пока светило солнце, все было в порядке. Легко и быстро бежали мы на лыжах. Но как только солнце скрылось – усилился ветер, усилился мороз, мы стали уставать, сбавляя скорость, и я заметил, что мы сбились с пути. Моя любовь с каждой минутой все отставала и отставала. Я остановился, и пока ждал её, ледяной ветер прожег меня насквозь.

– Лисавета, здравствуй! – мне хотелось взбудить её.

– Как дела, зубастый? – слабым голосом спросила она и прищурила глаза. – Где обещанное шоссе?

Этого вопроса я и боялся. Мы давно должны были выбраться к шоссе, а там, как рассчитывали, – лыжи долой и на попутной машине дальше.

– Шоссе, наверно, занесло снегом? И мы его проскочили.

– Разве это свежий снег? – она подозрительно посмотрела на меня. – Или ты хочешь убедить меня, что между городами давно нет связи?

– Я хочу сказать, что надо спешить, чтоб не замерзнуть, – я ждал, что она сейчас взорвется. Этот, может быть, дурацкий, кресс предложил я, как только мы расписались в доме бракосочетания на набережной Красного Флота, и она, как ни странно, поддержала мою идею, хотя ни разу в жизни не совершала ничего подобного. И сейчас она имела право накинуться на меня с упреками или расплакаться – ведь этот кресс я нарицал ей в самых привлекательных красках.

А она только сказала:

– Я устала, Волк.

– Хочешь ко мне на ручки?

– Ты злишься. Значит, мы заблудились.

Конечно, я виноват. Я увлекся бегом и забыл, что я не один. Она, хрупкое мое существо, доверилась полностью мне, и теперь я всегда в первую очередь должен думать о ней, иначе не стоило жениться. Ведь она за всю свою короткую прекрасную жизнь никогда не попадала в трудные переплеты, ей везло, и, выходя за меня, она надеялась, что я буду оберегать её от всяких неприятных неожиданностей.

– Встречный ветер жильем не пахнет, – сказала она. – Давай свернем.

– Давай, – согласился я. Только б она продержалась еще час-другой: за это время мы выберемся к какому-нибудь жилью, в этом я был совершенно уверен.

Вдруг она выкрикнула:

– Огни!

Нигде ничего не было – кроме черных силуэтов деревьев. Куда это нас занесло?

– Иди сзади!

Она покорно стала на мою лыжню.

Ветер прямо валил с ног. Но из-за непонятого дьявольского упрямства я двигался боком к нему, хорошо сознавая, что свернули мы в сторону только на несколько минут. Лыжи скрипели, как будто кто лениво точил на кирпиче ножи. А потом скрип её лыж затих. Я остановился. Я решил взять её на буксир:

– Рыжая, продень палку сквозь кольцо и один конец дай мне.

– Нет, – отказалась она. – Только не спеши, не забывай обо мне... И не лезь против ветра, – и снова выкрикнула. – Огни!

И тут я увидел их – совсем близко, за деревьями. Три спасительных огонька за потемневшим холмом – как три круга спасательных на черной волне. Откуда и силы взялись. Мы перешли на бег, да какой еще бег! И она первой влетела на чей-то двор. Мы освободились от лыж, постучались в дверь и ввалились в избу.

– Есть тут кто-нибудь? – послала свой голос Рыжая в полумрак.

– А как же, милая, – и перед нами возникла старушка, маленькая, просто гномик. – А как же, милый.

– Здравствуйте, бабушка.

– Здравствуй, касатушка, – прямо нараспев приветствовала её старушка. – Здравствуй, сизая, – и заулыбалась, заулыбалась. Как будто ждала нас.

– Бабушка, нельзя ли переночевать у вас? – стала вести переговоры Рыжая. А я стоял, прислонясь к дверной притолоке, и наслаждался теплом и покоем, и радовался, приятно удивляясь, что Рыжая у меня такая инициативная. – Мы бежим на лыжах из Ленинграда в Москву...

– Чтой-то вас заставило, милый мой? – заволновалась старушка. – В крещенские-то морозы? И всю дороженьку пеши?

– Да не совсем, – стала растолковывать ей Рыжая. – Где на лыжах, где на машине, где немного на поезде. На всем понемногу. Сегодня вот – на лыжах, да заблудились.

– Да не заблудились, моя доченька, – улыбка опять осветила лицо старушки. – Тут поблизости прямохоноккая дорожка на Москву... Ну, снимайте свои курточки, шапочки – и к столу. Молочком горяченьким напою, картошечкой попотчую. Да и заночуете. Не заблудились вы, не заблудились...

– Вы не волнуйтесь, мы вам за все заплатим. Деньги у нас есть.

– Эх, – покачала головой старушка. – Для города денежки приберегите, город денежки ой как любит, – она легко передвинулась в сторону и включила электрический свет. Комната была чиста и просторна. На стене висели в рамках фотографии довоенного стиля. В углу, под большой иконой, горела лампада.

Старушка сгребла со стола белоснежную скатерть с бахромой, начала складывать ее:

– Подарок от сына, – похвалилась. – Он у меня летун.

– Что ж так? – спросил я. – Что ж ему на одном месте не сидится?

– С какой руки другим-то быть ему. Ни с какой, – и трянула головкой, гордо так трянула. – Он весь в отца. Отец, бывало, все прыгал: то с крыши, то с колокольни, прости его господи. Молодой был, горячий. А перед смертью в самделишном самолете полетал. В Москву его позвали, он был у меня колхозник ох какой!, и там над всей Москвой прокатили и медаль выдали... А Леня мой на бо-ольшущем самолете летает. Из Москвы и до самого моря, где эти самые китайцы живут и все чегой-то на нас косятся...

Рыжая показала мне язык.

– Милая, – улынулась старушка. – Чегой-то ты?

– Он, бабушка, о вашем сыне нехорошо подумал, – выдала меня Рыжая.

– Не, не, не, он у меня ласковый, аккуратист... Курточки-то на веревочку. К утру тепленькими станут... Не, Леня у меня добрый... Вот молочко, счас и картошка поспеет, – она достала из стола круглую поджаристую буханку хлеба, прижала к груди и стала нарезать большие ровные ломти. Хлеб и нож она держала уверенно, крепко. И в том, как она резала буханку, было что-то вечное, святое, торжественное. Я никогда не видел, чтоб так серьезно и красиво резали хлеб. Может быть, только в зимнюю холодную ночь в деревенской избе может понять городской человек истинную цену хлебу и гостеприимству... – Хлебушко сама выпекаю, – заметив мой взгляд, сказала старушка. – Привозят тут к нам, в лавку, только запах у него чтой-то мало. А я – на капустном листке посажу его в печечку и румянький получаю обратно. От него дух такой, что будто и поела уже... – она метнулась к печке, в чугунке поставила перед нами картошку. – Ну, пейте, ешьте на доброе здоровье... Как знала, что будете... Чуюло мое сердце, – она села напротив, голову подперла высохшей ладошкой, и стала смотреть на нас, как на родных детей, которых ждала и дождалась.

– Разбудили мы вас, – сказал я. Мне хотелось сказать ей что-нибудь теплое, нежное, но не получалось.

– Ай, сыночек, старым какой сон – с полночи до первых петухов. Ну, а свет не палила, так что ж его понапрасну тратить: книжек мне не читать – глаза слабые, да и не больно я шибкая в грамоте. Выходит, мне что свет, что тьма – все едино.

– У вас счетчик есть? – спросила Рыжая, налегая на хлеб с молоком и медом. А я ел картошку, крупную, рассыпчатую, вкусную.

– Ты про что, голубушка?

– Машинка такая, которая подсчитывает истраченное электричество, – объяснила Рыжая и почему-то покраснела.

– Нету, – сказала старушка. – А свет я и так по ветру не пускаю. Я бережливая. Я прямо расстроилась, как в Москве была: ой как там его палют – на улице ни души, а фонари светют, над домами буквы всякие горят, а их же никто не читает, а в домах что! – в одной комнатенке сидят, а в других свет палют...

– Спасибо, бабушка, – Рыжая поднялась из-за стола, зевнула в кулак.

– На здоровье, милая, – заметив, что я тоже перестал есть, старушка подмигнула мне. – Ешь, ешь, на ёё не гляди, она девочка, ей тоненькой быть хочется, – и тоже поднялась и к печке отошла, рукой поманила Рыжую, зашептала что-то ей на ухо. Рыжей пришлось изогнуться в вопросительный знак.

Со стороны это выглядело смешно.

– Он мой муж, – сказала Рыжая.

– Тогда все понятно, – решила вслух старушка, – я – на лежанке, а вы – тут, – и принялась разбирать широкую постель. – Эту кровать мой старик смастерил, – старушка стелила нам белоснежные простыни. – Он был на все руки мастак. Через его и меня уважали. Да и теперь ценют. На ходу он помер, крышу чинил на ферме и помер. Я ему девять сынов народила и дочку. Все красивые, все здоровые. Ох, сколько тут свах порог пооббивало, сколько девок мне в ноги кидалось! Не подумайте, сыны мои не охальники. За это отец любого жизни бы порешил: раньше у нас строго было... Замуж за сынов многие хотели, только было их у меня девять. И невест уж они сами выбирали: я с отцом не вмешивалась. Не у всех жизнь ладная сложилась, зато ни на кого не пеняли, ни на кого зла не имели, – старушка большие подушки нам разложила, а себе маленькие две взяла. – Федя, Тимоша и Коленька за новую власть полегли, поубивали их бандиты проклятые... Алеша, ясноглазый мой соловьюшка, безвинно пропал. Ох и умел он песни распевать! Так уж теперь никто не поет. С других деревень сходились его послушать. Ни одна свадьба без него не проходила. А как уехал в город, чтоб по театрам там всяким петь, так и пропал. Небось, начальству не угодил – и пропал. Чует мое сердце, ни за что пострадал он там, – старушка вздохнула, подушки на лежанку вскинула да и сама следом взобралась. – А другие мои с немецким супостатом бились. Леня – далеко бился. А Гаврюша, Васенька, Сеня и Ваня тут, рядышком, Москву-матушку боронили. Рядышком и похоронены.

Окончание см. на стр. 14-15

Долгий свадебный кресс

Окончание, начало см. на стр. 12-13

И осталась одна кровинушка – Ляня. Он меня все к себе кличет, только я не могу туда: шуму много, людей много, деревьев мало, птиц нету, а которые есть, так их в клетках держат. Да и к чему мне съезжать: тут, в ельничке, старик мой меня дожидается... Что это я, старая, тоски на вас нагоняю. Живое о живом думать должно. Вы, милые мои, детками обзаведитесь. Без них нету счастья. У меня Ляня – как глазок правый. Далеко он, а подумаю об нем или письмецо получу – душе и солнышко. Нельзя без детей, пустая без них жизнь. Дочка моя пятерых нарожала, умаивается, известное дело, – а счастливая, веселая всегда...

Старушка замолчала. Я вспомнил, что надо прибрать лыжи, и вышел в ночь.

По лунному небу катились мелкие облака, будто барашки вразброд бежали. В избах было темно: кругом все спали. Ветер тоже затихал, засыпал. В морозной тишине каждый звук отдавался громко.

Я взял лыжи и поставил их в сенцах.

Моя Рыжая лежала под стеганым красным одеялом. Я выключил свет, разделся и осторожно лег к ней, думая, что она спит. Но она потянулась ко мне – и я обнял её. Давно мы не лежали вот так: в дороге живешь как придется, а не как хочется. В Москве нас ожидали мои родственники. Я надеялся, что они подготовят для нас уютное гнездышко на пару недель. Хотя, как знать...

– Волк, – зашептала Рыжая, и её шаловливая ладошка заскользила по моей груди.

– Мы в чужом доме, – напомнил я ей шепотом.

Она тесней прижалась ко мне. Её маленькие острые груди напряглись. – Мы – молодожены. У нас только начался медовый месяц...

– У нас должен быть медовый век, Рыжая.

– И будет, если отпуск мы всегда будем на лыжах...

– Кажется, кто-то начал дуться...

– Люби меня, как я тебя...

– Давно не встречал такой открыточки! Ты действительно видела огоньки, когда шла рядом со мной?

– Нет, – призналась она. – Я тебя хотела успокоить. И чтоб за меня не боялся... Но ты хитрец, Волк. Нашел время задавать вопросы. Ты меня любишь?..

Я проснулся, – в комнате никого.

За окном розовые сугробы. Оказывается, пока мы спали, небеса нам подарили много снега. Я скорехонько оделся и вышел на крыльцо.

Старушка и Рыжая расчищали дорожки. Обе бойко помахивали деревянными лопатами. Пушистый снег искрился на солнце цветами радуги.

– Доброе утро, милые женщины! Что ж вы не разбудили меня, мужскую силу? – я чувствовал в себе легкость, упругость, собранность, молодость и... эх, всё самое лучшее!

– А мы и сами не хилые! – ответила старушка, не переставая разгребать снег. Я соскочил с крыльца и потянулся за лопатой:

– Бабушка, дайте-ка я побалуюсь-поиграюсь!

– Погодь, погодь, – отстранила она мою руку.

Сухонькая, с морщинистым лицом, напоминающим клубок пряжи, она шустро, не по годам шустро откидывала снег. Откуда у неё сила? Ведь годов-то ей много-премного. Сможет ли моя Рыжая быть вот такой, неугомонной, через множество лет? Впрочем, до старости так далеко – как до Владивостока. И рано нам думать о ней!

Из изб тянулись к небу сизые ручейки. Деревья, вчера такие черные и мрачные, стояли сегодня веселыми молодцами в белых мехах.

– Бабушка, чего ж вы не хотите, чтоб я вам помог? Здоровье последнее беречь надо. Да и не с руки мне лодырем болтаться перед вами.

– Вот устану – и перестану. Мне работать надо, двигаться – а то по-

мру. Я всю жизнь работаю, потому долго и живу. А помирать чего торопиться – на том свете ни заботы, ни работы: лежи себе и не двигайся...

– А рай или ад?

– Милый, мой Леня говорит, бога нету. Выходит, богохульник он. А за это, нам в старое время говорили, кара божья бывает. А где она, кара? Живет он припеваючи, по небушку летает, денежки получает, дети у него здоровые, жена добрая, умная... Может, и вправду нету бога, – старушка оперлась на ручку лопаты, задумчиво проговорила: – Никто про тот свет толком не ведаёт. Так чего ж туда спешить. Все одно – не миновать его, того свету.

– Это верно, – сказал я и потянулся за лопатой.

Она толкнула ручку лопаты ко мне, будто обиделась за мою назойливость, и засемила в избу.

Я стал откидывать снег с дорожки, ведущей от избы до дровяного сарая. Так радостно было работать после чудесной любовной ночи!

Я привел дорожку в порядок и решил помочь Рыжей.

– Не смей! – крикнула она. – Я сама!

– Откуда рвение такое?

В Ленинграде лишний раз она палец об палец не хотела ударить. Субботники, воскресники, листопады – для неё не существовали. «Я слабая» – на все был отказ. И её не трогали, не укоряли. Сколько раз мы ссорились из-за этого: мне было стыдно за неё... Представляю, какой переполох будет в институте, когда узнают, что она со мной махнула на лыжах в столицу!

– Откуда рвение такое?

В её движениях было столько грации, красоты! Какая прелесть мне досталась!

Рыжая прочистила дорожку до меня и вдруг – толкнула меня в сугроб! И следом за мной – прыг! Как кошка на воробья.

– Слушай, Волк, всё, что было позади, не в счёт! – я увидел её светлые глаза близко-близко: в них плясали звезды-чертики. – Вступление в книгах редко читают. У нас вступление кончилось. Начинается жизнь! Для тебя, для меня. Метаморфозное состояние овладело мной...

– Да ну? Да что ты говоришь? С чего бы это?

– Я становлюсь другой, мой милый! Благодаря снегам, деревьям, бабушке, тебе...

– Какое многословие!

– С кем поведешься...

– Ты хочешь сказать, что я – болтун?

– Ты Цицерон! Ты Демосфен! Ты мой Платон! – после каждого слова она целовала меня. – Ты мой учитель! Вождь! Хозяин! – она вскочила на ноги, бросила мне в лицо пригоршню снега и побежала по дорожке со двора.

– Куда ты?

Только сейчас я заметил, что у неё из-под красной шапочки торчали две задорные косички.

– Эй, Красная Шапочка, стой! – я бросился за ней.

Она выскочила на широкую деревенскую улицу и закричала:

– Слушайте, люди, птицы, звери! Я – Красная Шапочка, а в прошлом Рыжая, – вышла замуж за прекрасного Волка!

– Сумасшедшая!

– Я люблю Волка! – прокричала она звонким голосом. Я догнал её. Она повернулась ко мне, раскинув руки для объятий. Мы обнялись и упали в снег.

– Это новая сказка, милый, – заговорила она. – С тобой я все смогу. Я знаменитой стану. На весь мир!

– Стыдливость, где ты?

– Не смейся, – она упала лицом мне на грудь. – Я, правда, буду здорово работать. Мне стыдно быть с тобой бездарной...

Она затихла. Какое восхитительное небо было над нами!

– Послушай, – сказал я ей от переполнявшего меня счастья, – сейчас центр Вселенной проходит сквозь нас...

– Я чувствую, Волк, – зашептала она. И привстала, и села на снег. Косички её были словно в тополином пуху. – Милый, давай весь отпуск проживем вот здесь, а?!

– А в Москву?

– Москва – глушь.

– Чушь! Кто это тебе такое наплел?

– Бабушка сказала.

– Для неё – возможно...

– Да оглянись вокруг, милый мой романтик! – она поднялась на ноги, мне руку протянула. – Мы в жизни ничего такого не видали! Это как на картине Кустодиева! Сколько тишины, леса, снега – от счастья можно умереть... А какая у нас царская постель! Перина пуховая, подушки пуховые... И не надо ни к кому ходить в гости, в музей, театры...

– ...и в магазины? – подкинул я.

– И в магазины, – согласилась она, хотя в Москве собиралась обследовать «ГУМ».

– Короче, побег от цивилизации. Совсем в духе Руссо.

– Пожалуйста, не иронизируй... Разве тебе здесь не нравится?

– Мне нравится везде, где ты, – я поцеловал её холодный нос. – Но как на это посмотрит наша старушка?

Рыжая заулыбалась:

– Она согласна, Ты ей понравился.

– Загибаешь, Красная Шапочка.

– У тебя улыбка обонятельная.

– Что ты говоришь?

– Пока ты дрых, мы с ней о многом переговорили. Она такая сердечная. Моя бабушка была в точности такая... Останемся?!

– Останемся.

Она повисла у меня на шее:

– Волк, я тебе сына рожу! – неожиданно произнесла. Впервые в жизни произнесла! 'Я крепко прижал её к себе.

И тут мы услышали голос нашей старушки:

– Милые, завтрак поспел...

Александр ПОЛЕВИЧ

автор **Мария ЕРОХИНА**

РАССКАЗЫ

У Т Р О

Когда он оделся, заметил, что на рубашке оторвалась верхняя пуговица.

Наташа дотронулась до его плеча и сказала.

– Давай я пришью.

В душе она обрадовалась, что теперь он немного задержится. Еще несколько минут можно смотреть на его лицо, руки, встречаться взглядом.

Саша мягко, но твердо отстранил ее руку:

– Не надо. Я дома этим займусь, тем более, что мне не привыкать.

Сказал, и, казалось, забыл о ней. Внимательно рассматривал перед зеркалом свое благородное лицо, расчесывал густые волосы, проводил рукой по небритой щеке. И был очень-очень далек.

Наташа любовалась им, но не находила ничего общего с тем человеком, который нежно обнимал ее ночью, доверительно спал рядом.

Ей стало неудобно: было такое чувство, что не он, а она была у него в гостях, и слишком поздно заметила, что давно надоела.

Но Наташа была дома, и уйти из разреженной равнодушием комнаты было нельзя. Она вновь присела на краешек дивана, и не могла оторвать взгляд от родного лица.

Как же она любила его, и не было предела тоски. Все возвращались на круги своя: тогда он тоже пришел ночью... Все было прекрасно, а ушел на целый год.

С той поры Наташа жила воспоминаниями. Забыла друзей, подруг, развлечения. Работа, книги, музыка, родственники – и все только в ассоциации с ним. На работе освободилось место руководителя отдела, и Наташа получила повышение. Таким образом, ее отшельничество многие знакомые связали с новой должностью.

Иногда Наташа встречала Александра в городе. Он был очень серьезен, спрашивал о работе, здоровье, делах и все же оставался безучастным. Потом она бесконечно прокручивала каждое мгновение этих встреч. Забывала, не принимала во внимание его строгость и была по-своему счастлива. Это был ее мир.

Постепенно она немного упокоилась, огорчение прижилось, чувство укрепилось. Она любила его, но встретиться вновь наедине – даже не мыслила. Просто не верила, что он однажды вспомнит и придет.

А вчера поздним вечером раздался тихий стук в дверь...

Так что же было? Она хотела разобраться и не могла. Но ведь было так, как может быть только между любящими людьми.

Он сказал много красивых слов и несколько раз повторил, что не скучал, а страдал, тосковал и мучился в разлуке. А, может, это игра опытного мужчины?

Он уже обулся и внимательно смотрел на нее. Во взгляде была гамма чувств: прохлада гармонировала с искренним интересом. Мастер был доволен. Он был доволен собой. Подошел к Наташе, наклонился, глаза его смеялись.

– Что, Наташа? Что? – чарующе улыбнулся, – Почему молчим?

Голос теплый, мягкий, приятный, но не родной, не тот, что был ночью...

Наташа была в смятении, растерялась. Может ей показалось, что Саша вдруг стал холодным и далеким. Сейчас она возьмет его за руку, и исчезнут сомнения, он вспомнит ее признания и скажет «Не будем мучить друг друга, люблю тебя, остаюсь».

Он смотрел на нее немного озабоченно. Взглядом мастера на законченную, но вызывающую сомнения картину. Глаза уже не смеялись.

Обнял, поцеловал:

– Наташа, что случилось? – Он на мгновение задумался, потом неуверенно добавил, – Мне не уходить? – в голосе чувствовалась скрытая тревога.

Окрыленная надеждой, она вспыхнула:

– Конечно, Сашенька, конечно оставайся! Любимый, сейчас обед приготовлю.

Он понимающе кивнул, выпрямился. Все. Мавр мог идти.

– Совсем забыл, Наташа, – было явно видно, что он на ходу придумывает, что сказать.

– Надо к маме зайти, она будет волноваться. Да, и другие дела, Наташенька, имеются.

Ей очень хотелось остановить его, задержать хотя бы немного, но она понимала, что любая ее просьба разобьет о его отчужденность...

Александр подошел к двери обернулся, улыбнулся и вышел. А мир вокруг Наташи сразу стал простым, обычным...

Говорят, хуже всего ждать и догонять. Догонять в последнее время можно только мысленно. А вот насчет ждать – предостаточно. Жду удач, здоровья, денег и всего остального, с чем приходится сталкиваться в жизни. Автобус, и тот заставляет помечтать, прежде чем появиться.

Недавно ждала его минут двадцать, и как только осчастливил своим приездом, ринулась на переднее сиденье. Вскоре рядом кто-то разместился и немного погодя послышался тихий вкрадчивый голос:

– Тётя, а я царь.

На меня смотрели чистые ясные глазёнки четырёхлетнего мальчишки. Одет он был в домашние тапочки, шортики, маечку, а на голове был повязан большой ситцевый цветастый платок, выпачканный толи пудрой, толи мукой. Около него в легком светлом платье стояла молоденькая женщина, сжимая в руке бумажные деньги. Я улыбнулась ребенку и вновь стала думать о своём. Однако, он тронул меня за руку и твердо, восторженно повторил:

– Я – царь! Царь!

У моего соседа были удивительно умные глазки, но этот платок на голове казался странным. Я внимательно посмотрела на мальчика и тайно вздохнула: у него был большой, просто безобразно большой череп. Возможно, ребенок психически болен. Сердце преисполнилось жалостью к несчастному созданию, чтобы успокоить его, я кивнула и тихо произнесла:

– Конечно, ты царь. Да, да...

Если бы не череп, то невозможно было бы догадаться, что с ним не все в порядке. Ведь говорит чисто и правильно, взгляд кажется разумным, но бедное, бедное дитя... Да и родители горюны-бедолаги, забывают о его болезни, только когда крепко уснут. Вон у женщины прямо застыла на лице маска страха, боли и отчаяния.

Повинуясь состраданию, я протянула мальчику купленную домой большую шоколадку с начинкой. Он подарок спокойно взял, но разворачивать не стал. Неожиданно залез с ногами на сиденье и сказал сидящим позади нас двум старушкам:

– Знаете? Я – царь! Сегодня – царь. Настоящий! – голос его прозвучал уверенно и требовательно.

Старушки молчали и отводили свои взгляды. Потом одна из них наклонилась, достала из сумки яблоко и сердобольно протянула его мальчику.

– Возьми. Дай Бог тебе здоровья.

Но подарки его особо не интересовали. Он вновь уселся на сиденье, дернул за рубашку парня, стоявшего у кабины водителя, и сенсационным голосом доложил:

– А вот я – царь! Царь!

Парень на это заявление не отреагировал. Однако мальчик вновь потянул его за рубашку и назидательно повторил:

– Я, правда, царь! У меня корона есть! Мама знает! – и показал на женщину, сжимавшую в руках деньги.

Та наклонилась, поправила ему платок и обреченно сказала:

– Балда ты, а не царь!

От такого обращения с несчастным дитём у меня в душе стало пусто и холодно. Парень сердито глянул на женщину и отвернулся, старушки участливо и негромко возмущались:

– Ну, зачем Вы так, мамочка? Ребенок и не понимает, что говорит.

Мама «царя» вздохнула и с огромным беспокойством пояснила:

– Я сейчас на кухне пекла торт, а он играл в зале. Вдруг заходит и говорит «Мама, я – царь!» Я глянула на него и прямо села: надел на голову огромную хрустальную вазу и красуется. Попробовала снять – никак. Вот едем в больницу, пусть там как-то снимут или распилят вазу. Да хоть бы голову не поранили моему ненаглядному счастью.

А мальчик, разворачивая шоколадку, и ни к кому определено не обращаясь, высокомерно, удовлетворенно и благосклонно повторял:

– Царь! Царь. Царь...

автор **Зинаида НЕЧАЕВА**

Стихотворения сегодняшней пору

Штурмуем космос.

Землю не щадим.
Миры иные познавать хотим.
А нас познания космоса спасут,
Коль на земле творим мы самосуд?

Даруй мне, День, свои заботы.
Мы покумеаем вдвоем
Отбиться как от непогоды.
Ай, что нам горевать с зонтом!

Есть минусы, но есть и плюсы.
На старт лишь не выходят труссы.
А солнце, что в плену у туч,
Подарит все ж нам добрый луч.

* * *

Живем параллельно.

Тоскуем.
К разлуке друг друга
Ревнуем.
Снимаю я трубку:
– Алло!
Куда тебя, друг,
Занесло?..
Молчанье.
Я слышу – вздыхает.
А что мне сказать,
Он не знает...

* * *

Время – роковой рысак –

К будущему мчит на встречу.
Что ты делаешь не так?
Не пусты ли твои речи?
Сколько всяческих идей –
Дерзкий повод для дерзаяния!
Ты самим собой владей,
Не гонись за признаньем.
Слушай верный сердца звук –
И добьешься ты успеха.
Честность в жизни – лучший друг.
Суетность всему помеха...

«...мы генетическая копия
своих предков...»

«...Эмоция места...»

(С. Парфенов)

(И. Хакамада)

АДМИРАЛЬСКИЙ ДОМ

В 1976 году судьбой было определено стать мне жительницей дома №5 на улице Чапыгина. Может и впрямь судьбой: отец мой был морским кадровым офицером. Но поселиться сюда был чисто незапланированный случай. Об улице Чапыгина, естественно, знала, что там находится телецентр – и не более. И проходя мимо по бывшему Кировскому проспекту, неизменно любуясь красивейшим домом архитектора Лидваля, что на углу Кировского и Чапыгина, устремлялась на улицу Графтио к музею-квартире Федора Шаляпина. Что удивляло меня, почему два параллельных тупика назывались улицами. Улица Графтио и по сей день уютный, спокойный тупичок, с двумя-тремя встроенными современными «стекляш-

ками», одна из которых эффектно замыкает ее. Но Чапыгина теперь оправдывает название улицы. У Никольской детской больницы, некогда замыкавшую Чапыгину, относительно недавно появилась новая Уфимская улица, увлекая Чапыгину в городские дали.

В 60-е годы построили типовую гостиницу «Дружба». Спустя время, всячески облагороженная и обустроенная, она предстала как «Отель Андерсен». Рядом телецентр с тех же лет постройки – он же «5 канал».

К гостинице постоянно наезжали туравтобусы, выбрасывая приезжих. Днем они играли в бадминтон и другие шумные игры. Поздними вечерами – ночью запускали фейерверки, оглушая улицу криками и воплями. Жители домов совсем не разделяли этого веселья. Наши окна выходят прямо на гостиницу. Этакая была вечная «дружба»!

Чапыгина была проложена на аптекарском острове в конце XIX века. И именовалась Вологодской. В 1930 году переименована в Чапыгину в честь писателя А.П. Чапыгина, автора известных в те времена романов «Степан Разин», «Гулящие люди».

Вот здесь-то был построен дом №5 в 1936 году для ведомства ВМФ (архитектор Д.П. Бурышкин), получивший в народе название «Адмиральский дом». До войны и после в нем жили семьи моряков, в том числе, чьи имена вошли в историю Флота: В.Ф. Трибуц, А.В. Шталь, А.А. Жуков, генерал Кабанов – герой обороны острова Ханка.

Монументальное здание из двух корпусов, связанных парадной галереей, с тремя металлическими коваными воротами: большими для машин, двумя маленькими для пешеходов. На глянцевой крыше галереи были две большие декоративные вазы для цветов. Мне и по сей день памятные эти вазы, едва не стоившие жизни моему мужу, только что проехавшему через ворота под грохот их обрушения, буквально смяв стоящую непо-

далеку телефонную будку. Это было, как сейчас в памяти, – среди бела дня 1994 года.

Дом – типичный образец «сталинского ампира»: Коринфские полуколонны, тематические барельефы, на которых моряки спокойно и сосредоточенно исполняют свои повседневные воинские обязанности, на одних надеты противогазы, другие без них. Видимо специалисты-биологи, руководимые Г.Д. Лысенко, считали, что новый тип советского человека не только обладает устойчивостью к отравляющим веществам, но и непомерной физической силой, легко поднимая артиллерийские крупного калибра снаряды на советских кораблях.

Рациональная планировка корпусов хорошо инсолирует большой внутренний двор, с деревьями и кустарниками ценных пород, на клумбах яркие цветы. Со слов старожил были гаражи и построен детский сад. Имелась собственная котельная – признак высокого статуса. Плану построить еще два корпуса, замкнув здание в прямоугольник, помешала война. Войну дом принял стойко. Лишь один снаряд повредил угловую северную часть, ближе к бывшему Кировскому проспекту.

В 1986 году было отмечено 50-летие дома. В 2001 году был включен КГПИОпом в «перечень объектов, представляющих историческую, научную и культурную ценность».

Сегодня дом №5 по улице Чапыгина утратил своих бывших хозяев.

Пришедшие (кто – откуда) новые хозяева, рьяно скупая квартиры бывших хозяев и из них, одним махом купленных, обустроивали свои европейско-стандартные апартаменты. Здесь живут не чувства, а современный комфорт. В немногих оставшихся бывших квартирах доживают некогда красавицы – потомки храбрых моряков 30-50-х годов. Мир их ушел, их воспоминания, что все раньше было лучше, прекраснее, не лишено определенной справедливости. Но память, как правило, не касается чувствами. Те, некогда здесь живущие и покинувшие этот мир, никуда не исчезли. С нами остаются их энергия, сама память о них. Да и сам дом №5 на улице Чапыгина с нами, память о тех славных героических очень неоднозначных годах.

Флора ЛОБАНОВА, *искусствовед*

автор **Элла МЕДЯКОВА**

Мистер Мяу и другие или новогодняя кавалькада 1951 года

Накануне наступающего сейчас нового 2016 года я отчего-то вдруг вспомнила другой новый год – в 1951 году – всю колдовскую снежную его прелесть, которую в мои теперешние годы не описать, ни выразить. О запахах хвои и мандаринов! И ТОТ, давно уже умерший – непостижимый для меня, юной и глупой, такой невероятно пленительный, неправдоподобно загадочный, который родился 30 декабря 1934 года. И вот более 60 лет назад я отчаянно ждала, что он пригласит меня на свой день рождения. Не дождавшись, я села на пригородный автобус номер 411 и поехала в Комарово. Дорога петляла среди сосен, огибая замерзший залив. Сколько же тогда кругом было снега – чистейшего, белейшего! В Комарово я вышла из автобуса. Перейти шоссе мне помешала некая кавалькада из десятка финских саней, вынырнувшая из-за автобуса. Веселые, нарядные парочки катили к Зеленогорску. Он чему-то засмеялся и махнул мне рукой – привет, привет. Кавалькада мгновенно пропала, нырнув в изгиб шоссе. И все – пустая дорога, залив, сосны, словно только что перед самым моим носом не промелькнул праздник жизни юной, обеспеченной, нарядной. И в мои тогдашние годы вдруг захотелось уйти в небытие, не думать, не видеть. Я машинально перешла пустое шоссе и села в обратный автобус.

Коммунальная квартира моя на Мещанской улице спала – все 18 взрослых и 8 детей. Моя подруга, позевывая, вышла на кухню, увешенную простейшим бельишком для просушки, и уставилась на меня, сидящую на подоконнике и глядящую на нее заплаканными глазами. Она та еще была оторва, жила со злющей теткой, подозревавшей Ирку во всех смертных грехах.

Прослушав мой горестный рассказ, Ирка попила водички прямо из под крана, подтянула обязательные тогда для девочек теплые штаны и сказала примерно следующее:

– Ну, прямо Бунин, ранние его рассказы. Мисс Пемброк была безутешна из-за коварства герцога Долматинского Георга...

После этого она пошла обратно. Слышно было, как она в темноте наткнулась на мотоцикл, который стоял в коридоре не знаю с каких времен. Мотоцикл был моего папы, который купил его явно для светской жизни, но никогда еще не использовался. Потом мяукнул в темноте коммунальный кот Мистер Мяу, обычно целыми днями спавший на водительском месте и сейчас потревоженный. Поскольку кот был кастрированный в самом нежном возрасте, и ему было оставлено всего два чувства из множества, обычно украшавших жизнь любого животного, на протест он не решился.

Я взяла обиженного Мистера Мяу на руки и всласть наплакалась, невольно прислушиваясь к шебуршанию кухонных тараканов. Потом я услышала, как моя мама, набирает на пишущей машинке диссертацию. Тема ее была для меня загадочной – «Расчет двойных ТЭ-образных мостов». Тогда я полагала, что мама имеет дело с металлическими мостами. Это потом, через многие годы, оказалось, что мосты электрические, а не те, по которым ездят через реку. И только потом я поняла, каково было моей маме заниматься диссертацией, когда мой папа позволял себе исчезать на многие месяцы. И я в свои 15 лет с горечью понимала, что папа не может мной гордиться, считает меня примитивным созданием, недостойным его внимания.

Уже со следующего дня, когда оставалось всего ничего до новогоднего праздника, все коммунальное население устремилось на кухню. К тому же, в собственных комнатах было тесно, и там часто разыгрывались некие семейные драмы, скрываемые от соседней. Особенностью этой квартиры было полное отсутствие прихожей. Поэтому с лестницы все шли или прямо в свою комнату, или на кухню. В этой кухне же стирали и делали уроки.

Помню, на следующий день после вояжа в Комарово я сидела в этой кухне на подоконнике, с томиком Бунина в руках. Я читала «Темные аллеи». Многие тогда я понять была не в силах, а поняла лет через десять.

Кухня была полна народа. Вылезли из крохотной комнаты при кухне две старушки, имен которых мы так никогда и не узнали, только отчества – Логиновна и Бенедиктовна. Бывшая учительница Элеонора Каземировна варила утреннее яйцо. На губах некое подобие усмешки, непонятно кому предназначенной. Рядом бывшая актриса опереточного жанра, нелюбимая соседями за злой язык, Адель Максимовна варила студень, комментируя попутно коммунальные новости и свое отношение к ним:

– А дуреху-то провели. Поехала к своему ненаглядному поздравить, а он с другой... Ах, какие любовники были у меня! Помнится, один подарил мне шубу – из рыси... Оно и понятно – девчонка глупая, неразвитая, кому она нужна? Нужны богатые, красивые. А тут мать сутками стучит на машинке. Отец незнамо где... –

И все в таком роде. Я тут же мгновенно решила – ночью повешусь. Возьму веревку, встану на табуретку... нет сил смотреть, как эта глупая Аделька мешает вонючий свой студень...

Но эту самую мысль, претворение которой в мою тогдашнюю жизнь, навсегда разрешившую бы все мои проблемы, развить я не успела, потому что открылась входная дверь в квартиру и появились новые действующие лица – мой красивый папа нес два чемодана, а за ним шла худенькая, очень молодая девушка, старше меня не более

Кавалькада – группа всадников, едущих вместе – Словарь

чем на 5 лет. Папа поставил чемоданы на кухонный пол, после чего сообщил всем самым привычным тоном:

– А это моя жена Оля. Она прилетела к нам из Самарканда! Какие там груши и дыни! – Сказал и пошел по коридору. Слышно было, как он в узком месте наткнулся на мотоцикл, после чего воскликнул:

– Чёрт! Уберите из этой чертовой квартиры этого гнусного кота! –

Раздался обиженный «мяв» недовольного Мистера Мья.

Только через десять лет обычно молчавшая мама рассказала нехотя мне, что мой красивый отец сменил тогда паспорт и женился на Ольге, покинув маму, такую безответную.

Увы, вторая стадия – заключительная в каждой страсти, есть беспощадное мщение за исчезновение волшебства первой. Сейчас Ольга была волшебницей. Снегурочка, да и только!

Они вошли с моим папой в его комнату и закрыли дверь.

– Наш пострел везде поспел, – прокомментировала случайно Адель, после чего пропела:

*Эдвин, из-за любви безумной такой
Не в силах стать я скрепленной с тобой,
Так низко пала...*

События заставили меня отставить собственное повешенье, а веревку, которую я все же успела припрятать, я ночью протянула от некой двери до мотоцикла. Ночью Ольга выносила горшок, боясь соседей, споткнулась и упала, разлив все содержимое.

Я вышла, обозрела все, включив свет, после чего пошла спать. Спала я крепко, впервые за последние сутки.

А под самый Новый год коммуналка наша собралась на общей кухне. Тараканы все попритихли, укрощенные дихлофосом, у детей вывели вшей, бабки помылись в тазиках. С тех пор прошло так много лет, что все трагедии успели обрести многими смешными деталями и перестали казаться драматическими. Как сейчас все же припоминаю подруг своих из специальной школы, в которой я тогда училась. Они успели подготовить некий самодеятельный концерт.

Все уселись на табуретках и подоконниках, дети – на полу. Концерт начался. Моя любимая подруга Ирина кокетливо отставила ногу сорокового размера в сторону и прочитала некие стишки:

*Мы девчонки-дебилки,
Не кривляки, не зубрилки,
Ничего с нас не возьмешь –
Ни рубля, ни даже грош!*

После этих куплетов стоявшие на заднем плавне четыре оторвы из этой же школы завопили вразнобой:

Вошь! Нож! Грош! Ложь!

Все как одна – во фланелевых платьях и чулках в резиночку. Волосы благопристойно заплетены в тощие косички – крендельками, как и положено в коррекционной школе.

Тут я увидела, что в кухню пробралась эта Ольга и уселась сзади всех. Тут же самодеятельный хор с радостью и новыми силами завопил:

*Нос картошкой, рот кривой,
Такто, гнусный ангел мой!
Убирайся же домой!
Брось чужого ты отца,
Ламсад-рица гоп цаца!*

Подпевалки тут же подхватили этот припев, приплясывая и мотая косицами.

Тут на мотоцикле, перебирая длиннющими худыми ногами по полу, с трудом удерживая равновесие, въехал

наш большой приятель Виктор Хебфец – отличник из «нормалки», то есть нормальной школы, победитель олимпиад и знаток всего и вся.

На шее его безжизненно висел Мистер Мья, лапы свесились в разные стороны от курчавой Витиной головы, рыжий хвост нервно вздрагивает, но глаза закрыты. Витя въехал на середину кухни и застыл, а хор тут же завопил:

*В России на снежных просторах
Одиноким весь бродит жираф
Увы и ах, увы и ах!*

Три оторвы пошли влево от мотоцикла – три вправо, где и застыли в разных позах. Виктор на папином мотоцикле выглядел при всей его экзотически восточной внешности и при громадном носе прямо как сам демон. Не успела я так подумать, как он сообщил зрителям нечто невообразимое в то непростое для нашей страны время:

– Я представитель древнего асаиритского народа, а те, как известно, всегда и во всем виноваты. Оттого я и одинок и притворяюсь жирафом... – В свои 17 лет он уже был мудр и дальновиден.

Тетка Иры тут же пояснила, прервав наступившую тишину:

– С этих детей взятки гладки, люди добрые. Вы их простите, если что не то скажут. Дебилки, одним словом...

Виктор поклонился публике и Адельке в отдельности:

– Увы, мадам, я не дебилка, я простой дебил. – После этого он театрально уставил перст на Ольгу и продекларировал:

*Слушай, дурочка-невеста,
И без тебя здесь мало места,
Не губи ты свой талант –
Возвращайся в Самарканд.
Оторвы тут же завопили вразнобой:
– Невеста без места, невеста без места,
Ау, оу, эх, их, ух,
А не то испустишь дух!*

Тут я невольно оглянулась: на Ольге, как пишется в дамских романах, лица не было, губы сжаты, глаза наполнены слезами. Рядом – отставная училка непонятно усмежается. Все же педагог, от того и не навязывает свое личное мнение

*На прощанье хор пропел:
Сука ты, и нас не трожь,
А то получишь нож,
И найдешь одну беду
В новогоднем сем году!*

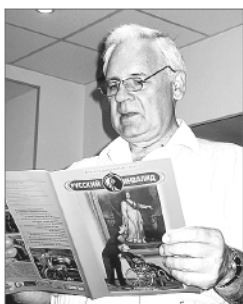
Хор запел, заплясал, забесновался. Как говорил великий русских поэт – «народ безмолвствовал». В этом молчании все быстро съели студень и винегрет, после чего разошлись по своим углам.

На этом новогодний праздник кончился. Правда, Ира все же на прощание сказала не знамо кому: – Мисс Пемброк безутешный.

А в начале марта мама ушла как-то утром, чтобы защитить диссертацию о двойных ТЭ-образных мостах. Вернувшись домой с цветами, она в дверях столкнулась с некой процессией. Впереди шла Ольга и тащила чемодан, а сзади шел мой красивый папа, но налегке. Усадил Ольгу в такси и вернулся в свою комнату. Проследив все это из кухонного окна, мы заметили, что у Ольги весьма объемистый животик. С тех пор змея жалости к несчастным тихо вползала в мое сердце, да там и осталась.

На старости же лет у меня своя кавалькада, где я старшая. Я кому-то нужна, несмотря на инвалидность, годы и немощи.

автор **Василий ШАЛАХ**, полковник в отставке

ЛЫСИНА КАК ПРИЧЕСКА

Прически у мужчин бывают разными. Одним нравятся иметь полубокс, другим канадку, третьим – ирокез. У отдельных личностей со временем формируется природная прическа с названием «лысина». Некоторые её обладатели так и ходят, отражая свет гладкой кожей верхушки головы, но есть и такие представители сильной половины человечества, коих такая прическа не устраивает. Они стараются замаскировать её с помощью удлиненных волос, растущих над ушами или на затылке. При этом применяются различные средства и приспособления, в том числе и из женского арсенала.

Предки начальника вещевого службы нашего полка, видимо, имели какие-то проблемы с волосным покровом головы, поэтому и получили такую фамилию – Ковтун. К нашему герою она перешла по наследству, а заодно вместе с ней он унаследовал и лысину к тридцати годам. Правда, об этом недостатке можно было только догадываться, так как он довольно умело декорировал её волосами из других мест головы. Однако, тайное со временем становится явным. Так произошло и с нашим сослуживцем.

Однажды летом проводились командирские занятия с офицерами полка. Мы успешно постреляли из автоматов и пистолетов, сдали зачеты по общевоинским уставам, отработали строевой шаг на плацу. Еще нам предстояло на спортивном городке продемонстрировать уровень своей физической подготовки. И вдруг командир полка объявляет свое решение: «Сейчас пойдем на водную станцию, и там будем сдавать нормативы по плаванию». Немного подумав, он добавил: «Лето уже подходит к завершению, а вы, видимо, даже ни разу не побывали у водоёма. Так что сегодня мы с вами заполним этот пробел!»

И вот мы на водной станции. Она размещается на озере, на берегах которого отдыхают местные жители и горожане. Её границы по суше обозначены невысоким штакетником, по воде – дощатыми тротуарами по периметру бассейна. С наружной стороны станции привязана байдарка. Поплавки четырех дорожек разделяют водную гладь пятидесятиметрового бассейна. На его ограждении висят спасательные круги.

Когда мы, полсотни офицеров, прибыли на водную станцию, к ней начала подтягиваться детвора. Кое-кто из взрослых также стал приближаться в нашу сторону: интересно же посмотреть на то, как плавают защитники Отечества.

Разделись. Кто в плавках, а кто в «семейных» трусах. Тела большинства офицеров молочного цвета,

солнечные лучи оставили свои отметины только на лицах, шеех и руках. Человек пять все-таки успели загореть. Это те, кто уже побывал в отпуске, и начальник физической подготовки и спорта, который с утра до ночи проводит служебное время на водной станции.

Построились. Командир полка лично провел переключку по списку, довел до нас требования безопасности, нормативы, назначил из нашего строя спасателей и указал им места. Физруку приказал провести с нами подготовительные упражнения.

– Закончить тренировку! – подал голос командир полка после наших десятиминутных экзерциций. – Первые четыре по списку – на старт! Спасатели занять места!

На стартовые тумбочки встали заместители командира полка.

– Внимание! Марш! – раздалась первая спортивная команда.

Четыре тела бросились в воду, взметнув тысячи брызг. По движениям пловцов было видно, что каждый из них плывет своим собственным стилем. Доплыв до противоположной стенки бассейна, офицеры оттолкнулись от него руками и поплыли назад.

К этому времени некоторые отдыхающие вплавь добрались до нашей станции и, взявшись руками за края выступающих досок, смотрели на наши упражнения. На требования наряда по водной станции удалиться, большинство из них не реагировали.

– Пусть смотрят, если так им интересно! – остановил командир полка солдат во главе с дежурным прапорщиком. – Следующая смена, на старт!

В этот раз на тумбочки встали начальники служб полка, в том числе и капитан Ковтун. Эти офицеры имели более молодой возраст, более спортивные фигуры, чем пловцы предыдущей смены. Кое-кто из них еще не потерял навыки, приобретенные в военном училище. Это было видно не только по тому, как они заняли места на стартовых тумбочках, но и по тому, как они бросились в воду – почти без брызг. Четыре головы вынырнули уже на другой половине бассейна. И тут случилось...

Все увидели, что по одной из центральных дорожек плывет женщина. Её распущенные волосы змеились по воде почти до пояса. А вот с головой было что-то не так. На ней сияла огромная лысина. Командир полка, да и все офицеры поняли, что в наш бассейн заплывла снаружи одна из гражданских пловчих, а офицер ушел на дно.

РОМАН ДЛИННОЮ В СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

– Спасатели в воду! – зычно подал команду наш командир и сам тоже же нырнул в бассейн.

За ним бросился и физрук. Стартовавших пловцов остановил у противоположной стенки бассейна заместитель командира полка майор Шестопапов: «Стой! Кто-то из наших ушел на дно!» Наряд по водной станции застыл со спасательными кругами в готовности бросить их в воду. Взоры всех офицеров были обращены к середине бассейна.

Один за другим вынырнули четыре спасателя, командир полка и физрук. Набрав воздуха в легкие, они опять погрузились в воду. Через минуту на поверхности опять появились их головы.

– На дне никого нет! – слышались прерывистые доклады.

– А кого ищут-то? – раздался в тишине голос Ковтуна, державшегося рукой за стенку бассейна.

Все почти одновременно посмотрели в его сторону. И тут громкий хохот капитана Сашки Бойцова прервал тревожную тишину. Он показывал рукой на Ковтуна и продолжал хохотать. Через секунду его поддержали все офицеры и наряд по водной станции, впервые увидев лысую голову капитана и его свисающие с затылка длинные волосы, разбросанные по плечам.

Только командир полка, выбравшись из бассейна, не смеялся.

– Капитан Ковтун! Носите то, что бодал! – сказал он. – Подарил он мне рыжие волосы, вот я и ношу их. Есть у вас лысина, так и носите её с достоинством! Зачем же её так маскировать! Из-за вашей маскировки у меня едва сердце не остановилось!

А что послужило причиной для тревоги?

Как уже было сказано, капитан Ковтун имел лысину (правда, о ней мы узнали только в бассейне). Он отращивал волосы на затылке такой длины, чтобы их хватало зачесать до середины лба. Надо отдать должное его парикмахерским способностям. За три года службы Ковтуна в полку никто даже и не догадывался о существовании дефекта в его причёске. А на занятиях по плаванию начальник вещевой службы сиганул в воду без шапочки. Водой смыло все крепления волос, и они стали принимать естественное положение – поплыли вслед за пловцом, оголив лысину.

На следующий день мы увидели великолепную лысину капитана Ковтуна в обрамлении густых темных волос, произрастающих над ушами и на затылке.

А всё началось с вареной картофелины. В то третье военное лето было голодно. Все довоенные запасы продуктов иссякли, и сельчанам прифронтовой полосы приходилось быть на «подножном корму». Это означало, что с ранней весны основной пищей являлись крапива, щавель, сныть и другие травы, из которых на «голой» воде, порой и без соли, варились щи. Иногда это варево носило и другие названия. Где-то к середине лета рацион становился разнообразнее. В тех же щах попадались кусочки картофели, свеклы, тоненькие хвостики морковок. В начале августа на столе мог появиться даже хлеб. Правда, эту испеченную смесь лебедя и муки, произведенной на домашних жерновах из зерна нового урожая, так можно назвать только с большой натяжкой.

Когда двенадцатилетняя Тоня зашла к соседке тетке Мавре, её семья сидела за столом в готовности к обеду: перед каждым из четырех ребят лежало по три разновеликих вареных картофелины. Девчонка, увидев такое яство, сглотнула слюну. И тут случилось нечто неожиданное. Один из детей, тринадцатилетний Володя, взял из своей кучки самую большую картофелину и протянул Тоне: «На, ешь!»

Что тогда произошло в сознании девчонки, Антонина Михайловна не может понять до сих пор.

Соседский Володька – это любовь с первого взгляда? Но она видела его почти ежедневно и до этого события.

Любовь, обусловленная благотворительным поступком? Но подобные добрые дела совершали и другие ребята.

А может и не любовь? А может что-нибудь другое? Это непонятное чувство сопровождает её по жизни уже более семи десятков лет.

Но с тех пор Володя стал ей очень дорог. Они не ходили вместе на посиделки, не гуляли под луной. Только изредка переглядывались, переговаривались. А о чем вели разговоры, на какие темы? А просто о том, о чем обычно говорили в то время подростки: об уроках, двойках, еде, новых кинофильмах, о том, как будут хорошо жить после войны. Своим поведением они никогда не давали повода малышам, чтобы те пропели в их адрес: «Тили-тили тесто, жених и невеста!»

Потом Володя перешел учиться в среднюю школу, а Тоня продолжила учебу в семилетке. Спустя некоторое время её сосед уехал учиться в Харьковское гвардейское танковое училище, а сама Тоня убыла вместе с сестрой в Ленинград по вербовке. С тех пор они не больше не виделись.

Хотя Владимир и Антонина ежегодно приезжали на свою малую родину, но их отпуска никогда не совпали. И каждый раз они спрашивали у родственников: «А когда Володя (Тоня) приезжал (приезжала)? Как у него (у неё) дела?» Именно от них они узнавали об изменениях в семейном и служебном положении, об успехах, званиях и наградах. И их приветы друг другу передавались также через родственников.

Окончание см. на стр. 24

РОМАН ДЛИННОЮ В СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

Окончание, начало см. на стр. 22-23

...В один из каникулярных отпусков курсант-танкист Володя узнал, что в Ленинграде Тоня вышла замуж за рабочего парня Николая Зарова, и теперь у неё есть дочка Валечка.

Несколько позже Володе сообщили и другую информацию. Муж Тони призван в морскую пехоту, и служить ему придется три года вдалеке от Ленинграда и молодой жены.

Видимо, эта новость как-то повлияла на планы выпускника военного училища, потому что в течение трех лет он писал в графе о семейном положении всего лишь одно слово: «холост». Владимиру были известны случаи, когда парни уходили служить в армию, а обратно не возвращались. Во время прохождения службы некоторые из них находили рядом с воинской частью подружку жизни и женились на ней. Там же и оставались на постоянное местожительство. Другие после увольнения в запас уезжали по комсомольским путевкам на новостройки очередной пятилетки, а в родительский дом могли прибыть через пару лет с юной женой.

Возможно, такой вариант развития событий предусматривал и Владимир. Подтверждением этому является несколько фраз из его разговора с матерью Тони.

Будучи в очередном отпуске, старший лейтенант танковых войск зашел в дом своих соседей. Расспросив их о житье-бытье, он спросил:

– Тетя Нюра, а ваш зять Николай возвратился из армии?

– Да, Володя! Он приехал в Ленинград еще в декабре!

– Ну, тогда я буду жениться!

И женился на девушке из того города, где проходил военную службу. Вместе с женой Зоей он объехал всю нашу страну, начиная от Курил и заканчивая Брестом. Побывали они и за границей. Владимиру пришлось прослужить пять лет в Группе советских войск в Германии. Финишной чертой службы в Вооруженных силах, вернее точкой, оказался для него Свердловский гарнизон, где Владимир Петрович, уже в звании полковника, учил курсантов военного училища науке побеждать.

Как-то к Тоне в Санкт-Петербург прибыла в гости ее родная сестра Нина. Она рассказала о том, что месяц назад в село приезжал Володя. Он уже уволился из Вооруженных сил. Остался на постоянное жительство в Свердловске, так как на родине у него не осталось ни одного родственника. И больше в село он не приедет. Просил передать номер своего домашнего телефона. И Нина протянула сестре небольшую бумажку.

С тех пор Антонина Михайловна и Владимир Петрович, а в общении между собой они были по-прежнему Тоней и Володей, неоднократно беседовали по теле-

фону. Поздравляли друг друга с праздниками, днями рождения и другими событиями. Нередкими были разговоры о погоде, здоровье, событиях в стране и за рубежом. Однажды произошло вроде бы объяснение в чувствах:

– Ты для меня, Тоня, как факел, освещающий дорогу в жизни!

– И ты для меня такой же факел, Володя!

Удивительным было то, что ни жена Володи, ни муж Тони не ревновали их. Даже наоборот, Зоя и Николай радовались за них, когда те могли услышать голос близкого по духу человека.

Когда после звонка телефонную трубку поднимала жена Володи, то, услышав голос Тони, тотчас звала мужа к телефону:

– Володя, подойди сюда! На проводе Санкт-Петербург, твоя первая любовь!

Точно такую же картину можно было наблюдать и в культурной столице России, когда трубку телефона брал Николай:

– Тоня, твоя первая любовь!

В одно хмурое ноябрьское утро в квартире Заровых раздались длительные телефонные гудки. Сердце Антонины Михайловны ёкнуло, почувствовало беду. И точно!

– Тоня, нашего Володи больше нет, – прошептала прерывающимся голосом Зоя.

– ...?

– Третьего инфаркта его сердце не выдержало!

– Я поняла, Зоя! – только это и смогла вымолвить Антонина Михайловна. Слезы ручьем хлынули из её глаз, спазм сдавил ей горло, и она с трудом добавила еще: «Я перезвоню тебе, Зоя!» – и положила трубку.

Точно такое же состояние, такие же чувства у неё было три года назад, когда умер муж Николай – единственный мужчина, которого она любила. С ним, единственным, она делила все радости и горести, вырастила и вывела в самостоятельную жизнь дочь и двух сыновей.

Она и сегодня волнуется, когда вспоминает тот ноябрьский звонок, влажнеют её глаза. Вместе с тем, Антонина Михайловна и улыбается, вспоминая полученную в подарок картофелину в голодное военное время, встречи и разговоры с юным соседом и разносторонние сведения, что передавали ей земляки об её Володе.

Хотя Володи нет на этом свете уже несколько лет, Антонина Михайловна по-прежнему говорит о нем как о живом человеке, точно так же как и о своем покойном муже Николае. Воспоминания об этих двух мужчинах согревают её душу и придают силы.

Василий ШАЛАК, полковник в отставке

автор **Даниил ЮРЧЕНКО**

Радость для детей

Новый год ждут на всей планете, его ждут и взрослые и дети. Его не просто ждут, к нему готовятся с замиранием сердца, отчитывают последние минуты старого года. Новый год для детей это всегда сказка, на улицах снег переливается белоснежными кристаллами, город одевается в золотое украшение. Новогодние елки на площадях и скверах города украшаются разноцветными шарами, гирляндами, красивыми игрушками...

Работая на заводе, члены профсоюзной организации также стремились подарить сказку детям рабочих и служащих предприятия. Заранее закупились костюмы Деда Мороза и Снегурочки, проводился конкурс среди молодежи на эти роли, администрация завода предоставляла автобус с водителем Анатолием Крыловым. Развозили подарки после работы и за несколько дней до Нового года и, если не успевали, в первых числах Нового года. Вот как вспоминает встречи с малышами Оля Рябинкина. (Снегурочка) ... квартира 67.

– У новогодней елки стояли три маленькие девочки – Оля, Юля и Верочка, в красивых нарядных платьи-

цах и с бантами на голове. Сколько в них было любопытства и счастья, когда Дед Мороз и Снегурочка вошли в комнату, заговорили, дали подарки и дети стали читать стихи, вместе с нами вести хоровод вокруг елки...

– Мне очень запомнилась встреча с семьей Корвин-Круковского, – вспоминает Слава Маслобоев (Дед Мороз), – встречала нас целая бригада: Денис, Виктория, Ксения и Миша, который лежал в манежике на животе и тарачил глазенки на погремушку в подарке и тянулся к ней. Дети читали нам стихи и пели про елку, про зайчиков и медведей. Некоторые сразу забыли какой сюрприз готовили к нашему приходу. И тогда Дед Мороз и Снегурочка сами рассказывали им про далекие леса и синие горы.

Сегодня мы на заслуженном отдыхе, мы стремимся встречать Новый год, как и раньше, по-детски.

*Пусть Новый год волшебной сказкой
В ваш дом тихонечко войдет.
И счастье, радость, доброту и ласку
В дар с собою принесет!*

Мы, взрослые, должны помнить, что дети всегда ждут чудес. Им нужны сказки, подарки и сюрпризы.

ДЕДЫ МОРОЗЫ – В РАЗНЫХ СТРАНАХ МИРА

Кто первым придумал праздновать Новый год? Никто точно не знает. Существует множество традиций и обычаев.

В 1700 году Петр I приказал праздновать Новый год 1 января. Тогда появилась традиция украшать елку, устраивать фейерверки, новогодние костюмированные карнавалы. Дедов Морозов называют по-разному:

В России – Дед Мороз одет в длинную красную шубу с белым мехом, у Деда Мороза длинная белая борода, а в руках – посох. Приходит он в гости не только с подарками, а и со своей помощницей – внучкой Снегурочкой.

В США, Англии, Канаде – Деда Мороза зовут Санта Клаус.

В Швеции – два Деда Мороза: Юптомен и карлик Юлниссаар, оба под Новый год оставляют подарки на подоконнике.

В Финляндии – деда зовут Йоулупукки, окружают гномы в накидках с белым мехом.

В Эстонии – Деда Мороза называют Йиулувана, похож на финского деда.

В Норвегии – Деда Мороза называют – Юпениссен.

Во Франции – два Деда Мороза: одного звать Пэр-Ноэль, что означает «Отец Рождества», в его корзине подарки, другого зовут Шапанд, в его корзине – розги для непослушных и ленивых детей.

В Италии – к детям приходит старенькая фея Бефана, она залезает в дом через дымовую трубу, хорошим детям – подарки, а непослушным – только пепел.

В Румынии – дедушку зовут Мош Крегун, похож на нашего Деда Мороза.

В Белоруссии – дедушку называют Зюзей.

В Узбекистане – Корбобо, едет на ослике в полосатой пижаме и красной тубитейке с новогодними подарками.

В Татарстане и Башкирии – Киш Бабай.

В Греции и Кипре – Василий.

В Японии – Санта

Одзи сан.

В Китае – Шэн Дань

Лаожэнь.

В Бразилии –

Папа Ноэль.

В Колумбии –

Папа Паскуаль.

В Монголии – Зазан

Охин (Девочка снег).

В Германии – Сайта

Николаус.

На Украине – Дід Мороз.

В Польше – Святок

Никола.

В Чехии – Микулаш.

В Камбодже – Дед Жар.

В Чили – Вьехо Паскуэро.

На Фарерских островах –

Йопамазурин.

автор Надежда ВОРОНОВА

Неудачная попытка стать ведомой

Ох, уж эта моя натура – всё бы ей новые впечатления и разнообразие дорог. Много хожено по лесам Ленинградской области с любителями наслаждаться красотами природы, намотав при этом энное количество километров – членами туристского клуба выходного дня.

Долгое время меня вполне устраивала роль ведомого. Но потом, обретя себе двух-трёх попутчиков, доверяющих мне, я вела их туда, куда хотелось мне. Если дело было летом или осенью, то мы, конечно же, и дары леса собирали и в озёрах купались. Ориентируюсь я неплохо.

Прошлым летом с приятельницей мы побывали в скиту, что расположен в километрах шести от посёлка Воейково. Это была лёгкая прогулка сначала по асфальтовой, потом по грунтовой дороге – и никакой тебе радости преодоления, столь желанной для походника!

И вздумалось мне попытаться выйти к этому скиту напрямки, по азимуту. На карте местности, где он находится, отмечены огромные площади непроходимых болот. В попутчиках желательнее иметь кого-нибудь из местных, знающего окрестности.

В Воейково у меня немало знакомых. С Андреем (на вид ему лет 60, как и мне) мы виделись в поселковом литературном объединении, и однажды встретились возле церкви. Тогда он купил мой поэтический сборник.

Я знала, что Андрей тоже пишет стихи, что он грамотен в вопросах православия. К тому же, оказалось, мы оба – геофизики. Общение с ним может быть интересным, найдутся и общие темы для обсуждения, – подумала я и предложила ему стать моим попутчиком.

– Ну что ж, давай попробуем! – согласился Андрей. – Мы с другом прошлым летом за 40 минут до скита добрались.

– Правда, вёл друг, – уточнил он. И запнувшись, предположил: – Но, думаю, что и я справлюсь.

Это прозвучало немым предупреждением о возможной несостоятельности потенциального проводника. Но мне было не до анализа сказанного им. Главное, что он согласился.

Лето кончалось, но нам никак не удавалось осуществить задуманное.

В очередной раз посреди недели я сорвалась в Воейково развезаться. И уже сидя в автобусе, вдруг решила позвонить Андрею.

Он оказался дома и согласился сегодня же воплотить в жизнь мою задумку. Это было неожиданно. Я вспомнила, что не захватила с собой карту местности, но понадеялась стать ведомой.

Утро выдалось ясным, бодрящим. Можно сказать, этот день был последним шансом исполнить моё желание, ведь, по здешним лесам и болотам не всякой осенью пройдёшь.

Договорились встретиться на остановке. Мужчина предстал передо мной одетый вроде бы по-походному, но

без рюкзака, зато с компасом в руке и ножом в чехле. Вероятно, именно их он и считал необходимыми в походе. Хорошо, что о подходящей обуви подумал. И в подтверждение моей мысли, Андрей сообщил:

– Я уже выходил тебя встречать, решил, что приедешь предыдущим автобусом. Тебя не было, и я поспешил домой, ботинки переобуть, – чтобы соответствовать.

– Ну и хорошо, удобные ботинки для путника – благо, – поддержала я его и поинтересовалась:

– А ты чего, в отпуске?

– Да нет! Уволился. Вспылил, разругался с начальником, – гоняют как мальчишку, а я уже, между прочим, второй год пенсию по возрасту получаю.

Такое заявление меня слегка насторожило, но я не стала вдаваться в его проблемы. К тому же вспомнила, что тогда при нашей встрече, Андрей говорил, что поспорил со священником по какому-то религиозному вопросу. Я даже и не поняла, о чём он толковал. Его речь – замедленная; невнятная, он долго подбирает и как бы вытягивает необходимые ему слова. Оказалось, что в детстве Андрей сильно заикался. Отец, чтобы поддержать сына, советовал ему не спешить с ответом. Может быть, и отвечать-то и не понадобится, – говорил он. Этому мудрому совету отца всю жизнь следует сын.

Бодро шагая рядом с мужчиной, я спросила полушутя:

– А жена-то ревновать не будет?

– Конечно, будет, – горделиво отвечал он. И тут же доверительно сообщил, что с женой и уже взрослой дочерью общается только по телефону, они живут в городе.

Ну, ну, я так и думала. При первой же встречи с ним я ощутила неприкаянность его одиночества.

Лесная тропа вывела на высохшее болото: кочки да ямины, коряги да искорёженные стволы погибших деревьев. Две женщины собирали бруснику. Они поприветствовали Андрея, поинтересовались: куда?

Мужчина объяснил цель нашего похода. Женщины отреагировали молчаливым удивлением, в котором явно читалось: «делать им нечего, самое время бруснику собирать, а если и в скит идти, так не по бездорожью же».

А Андрей, вроде бы в шутку, вдруг заявил:

– Если мы не вернёмся, то вы последние, кто нас видел.

Не нравятся мне такие шутки. Я не сразу поняла, что такое он сказал со страху, что он не справится с ситуацией. Тут же появилось желание отказаться от задуманного. Но мечтать было некогда – Андрей, не обращая на меня никакого внимания, словно лось, уже пёр напролом, боясь сбиться с курса.

Благополучно миновав болото, шли трассой газопровода, потом леском и очутились на задворках дачного массива на узкой полосе земли, расчищенной от деревьев. Когда она

упёрлась в перелесок, Андрей в очередной раз стал свертываться с компасом. При этом мужчина выглядел самодовольным и опять-таки пошутил, мол, всё – заблудились!

Пока причин паниковать нет, если что – дорогу назад я, пожалуй, найду – успокаивала я себя, но всё же некая тревога вырвалась изнутри наружу:

– Да! Правы те, кто называет меня авантюристкой! Пошла с незнакомым мужчиной в незнакомый лес... – начала я, но Андрей тут же перебил меня:

– А я пошёл с незнакомой женщиной...

– Но для тебя хотя бы лес этот знаком, – парировала я. – И вообще, во время нашего перехода ты вёл себя не по-туристски, – незлобно укорила его. – Идёшь, не оглянешься, руки не подашь там, где упасть можно.

– Когда упадёшь – услышу!

– Тогда уже поздно будет! – разочарованно произнесла я.

– Да, я не турист, – обиделся он. – И вообще, ты моложе меня почти на год!

Надо же, да он в свои-то годы совсем ещё ребёнок, – подумала я, не удержалась и съязвила:

– Спасибо за комплемент. Я сразу почувствовала себя молодой, здоровой и красивой.

Мы пробрались через заросли иван-чая и оказались на берегу огромной канавы.

– Стоит её перейти, и тогда до скита рукой подать, – оптимистично заявил он.

По краю канавы вела едва заметная тропа. Я шла впереди, ловко ухватываясь за ветки, осторожно ступая по откосу. Не потому, что взяла руководство походом в свои руки. У туристов есть такое правило: до развилки можно идти впереди группы.

Андрей вырезал посох и предложил его мне. Я отказалась, мол, привычной без палки. Вроде, убедила. (Как оказалось, позже – вовсе нет).

Увидев очередное дерево, якобы кем-то переброшенное через канаву, Андрей предлагал перебраться по нему на другой берег, но я всякий раз отговаривала его от такого рискованного шага. Канавы широка и явно глубока, а деревья не внушают доверия. К тому же, на другом берегу простирались буреломные низинные места.

Но вот канавы стала значительно уже и менее глубокой. Мы уже было обрадовались: ещё чуть-чуть и выйдем на дорогу. Но путь преградила глубокая протока, – не перейти! Андрей пытался навести переправу, как «истовый» турист, поднимал трухлявые стволы и бросал их через протоку, но те тут же рассыпались. Что же делать?

– Надо одолеть всего несколько метров до дороги, – подбадривал Андрей. – Я впереди только что видел идущего по дороге человека с тележкой.

– Но протоку не обойти! Справа – топь.

– Может, попробуем через большую канаву рвануть на тот берег?! – загорелся Андрей. – Вот и переправа есть, жидковатая, правда, но должна выдержать. Рискнём!

– Ну, давай рискнём, – обречённо проговорила я.

Андрей аккуратно перебрался на другой берег и уверенно прокричал:

– Смелее! Меня выдержала и тебя выдержит.

Я робко вступила на бревно. Похоже, это действительно переправа, сделанная человеком: вот и перекладина есть, – успокаивала я себя. Осторожно, шепча: «Отче

наш... только бы не поскользнуться!», перебралась на другой берег. А вдруг, всё-таки удастся реализовать наш план? – обнадежилась я.

Мужчина, загордившись тем, что сумел убедить женщину в правильности своего решения, шагнул вперёд. Я послушно пошла за ним. Но посуху пройти удалось всего несколько метров. Путь преградило немалых размеров давно упавшее дерево. Пытаясь обойти его Андрей, пока ещё уверенный, что обязательно дойдёт до конца канавы, ступил в воду. Но не тут-то было! К тому же, его ждало разочарование: то, что он принял за человека с тележкой, оказалось красной тряпкой, привязанной к дереву у поворота канавы направо.

– Давай вернёмся! – предложила я. – Пробраться здесь не реально! – И решительно повернула обратно, к переправе. Но Андрей сдаваться не хотел. Присели на бревно.

– Ты посиди, отдохни, а я проверю, может быть, удастся обойти это топкое место.

Он явно чувствовал себя героем и захотел запечатлеть свои подвиги. Начал снимать меня на камеру мобильного, и тут же попросил заснять и его. Я выполнила просьбу.

Воодушевлённый, Андрей с посохом в руке начал промеривать глубину топи. А я разглядывала открывшееся: и слева и справа от канавы места были явно непроходимыми. А вот впереди на фоне хмурого неба виднелся ряд деревьев, там, похоже, место повыше, может быть, даже дорога. Вокруг стояла какая-то напряжённая тишина, ни ветра, ни звука, ни птички, ни зверушки, – заколдованное болото. Казалось, что где-то здесь близости и должен быть скит, ведь именно такими выдвинулись мне подходы к необычному святому месту. Жаль, что нам не удалось найти заветную тропу. Мне стало не по себе, и когда Андрей зашёл в воду выше колена, я не выдержала и крикнула:

– Выходи! Я тебя вытащить не смогу! Давай возвращаться!

Андрей что-то пробурчал в ответ, но всё же вылез на берег канавы.

– Давай подбросим монетку, – предложил он. – Если выпадет «орёл», попытаемся ещё раз обойти гиблое место, пройдя немного назад этим берегом, ну а, если «решка» – так и быть, вернёмся.

– О чём ты говоришь?! Адекватно оцени ситуацию! – я пыталась достучаться до его здравого ума. – Тут один неправильный шаг, – и можно ногу сломать, и даже утонуть. Если бы мы заблудились, и одолеть эту топь было бы единственным вариантом для выживания, то, конечно же, можно было предпринять ещё одну попытку. Но, у нас нет такой необходимости! К тому же, я уже устала.

– Хочешь главенствовать! – вспыхнул Андрей. – Если бы ты пошла с моим другом, ты не посмела бы ему перечить!

Я не отреагировала. Ну да, когда я искала человека, который бы указал на карте местности возможный к скиту путь через болото, Андрей дал мне номер телефона того друга. Мы встретились, но он указал уже известную мне дорогу по асфальту. О том, чтобы этот неказистый щуплый мужичок стал моим проводником, и речи быть не могло, судя по его едва сдерживаемому похихикиванию во время нашего короткого общения. Надо быть благодарной Андрею, ведь, он-то пошёл со мной!

Окончание см. на стр. 28

Неудачная попытка стать введомой

Окончание, начало см. на стр. 26-27

А в это время мужчина уже всюду разошёлся:
– Ты моих инициатив вообще не принимаешь!
– А что ты предлагал? – удивилась я.
– Я несколько раз предлагал тебе палку-посох, чтобы было легче держать равновесие, – обиженно произнёс он.
– Я не привыкла ходить с посохом, мне удобней без него, – я же тебе объясняла. – А что ещё ты мне предлагал?

Андрей не нашёлся что ответить, а через несколько секунд, неожиданно согласился со мной.

– Пожалуй ты права. Возвращаемся! Я чуть было ни выколол глаз о ветку, – признался он.

Мы перебрались через канаву.

– Теперь ты иди впереди! Главенствуй! – «разрешил» мужчина.

Я не возражала. Шла уверенно, иногда оборачиваясь на его голос.

– Ты не веришь в божью помощь! С божьей помощью мы непременно одолели бы эту топь, ведь пробирались-то в святое место, – укорял он меня.

– Звони игумену, пусть поможет, – настаивал напарник, зная, что у меня есть номер его телефона.

– Ты, что, с ума сошёл? Как он поможет? МЧС вызовет? – недоумевала я.

Чувствовалось, что в нём всё кипело. И как угрозу произнёс:

– Я пожалуюсь игумену скита на твоё поведение!

Ну, это уж совсем, как в детстве. Я постаралась, чтобы он не заметил моей реакции. Мне стало его жалко.

Когда мы вышли на асфальтовую дорогу, моё настроение улучшилось – самое страшное, а главное непредсказуемое, позади. Андрей же был удручён:

– Я задыхаюсь от того, что не дошёл до цели! – несколько раз проговорил он.

Я пыталась его успокоить:

– Не стоит расстраиваться по этому поводу! Всё хорошо! Я благодарна тебе за этот поход. Продышалась, протопталась, узнала новые – да ещё какие! – страшно-сказочные места.

У хозяина внедорожника, стоящего у обочины, мы спросили: как выйти на Воейково.

– Идите прямо, – отвечал тот и пошутил: – Ещё килограмма по три сбросите и дойдёте!

– А вы дорогу не в километрах, а в килограммах измеряете? – Я якобы оценила его шутку.

– Да! – самовлюблённо улыбаясь, отвечал молодой, но уже с явным животиком, представитель сильного пола.

Поблагодарив шутника, мы уверенно продолжили путь.

– Ему не помешало бы свои килограммы в километры перевести, – заметила я, но Андрей, похоже, меня не слышал, думая о своём.

Через какое-то время вышли на трассу газопровода. Ну, слава богу! Теперь вообще не о чем беспокоиться.

Андрей, вероятно, почувствовал это и опять включил в себе ребёнка – стал плакаться-жаловаться-канючить: его не ценят как поэта, не берут его стихи в сборники, и т.д. и т.п.

И вдруг сменил тон, решив, что наступил его звёздный час. Вынул из кармана мою книжку. Книжка была замусоленной, мятой, пестрела заметками авторучкой, – смотреть больно. Но я промолчала – коли купил, может делать что хочет. И о, ужас! Мужчина начал критиковать мои стихи, предлагая свои варианты. Мне стало смешно, – такими несуразными, на мой взгляд, были его замечания. Поначалу, я попыталась было объяснить правильность своих образов, но поняла, что это делать бесполезно, он просто не слышит. Я ускорила шаг, оставив путника бурчать сзади – пусть выговорится.

И вот мы уже в Воейково!

– Слушай, я так устал, еле иду. Ты была права, настояв на возвращении, – признался Андрей. Так и слышалось: «Спасибо, мамочка, что ты вывела меня из леса».

Не удалось мне стать введомой, а вроде бы хотелось. Или, всё-таки – нет?!

ОДА СУХАРИКАМ

...А внучкам нравятся сухарики
не покупные, а мои.

Из хлеба чёрного «столичного»,
из корочек его – отличные
всегда сухарики мои.

И для меня они отрада –
не только внучкам угодить, –
я этому, конечно рада.

Но есть о чём поговорить.

Они – порука из порук
когда всё валится из рук,
иль что-то делать не с руки
помогут мне сухарики.

Я режу хлеб на кубики,
сольцою их сдобряю,
Сама же размышляю
о том, о сём, что делать? как?

И время тикает в висках.

Духовки мерное тепло
хлеб превратит в сухарики.

И размышлениям в итог:
как надо делать то и то...

Затраты здесь невелики,
но каковы сухарики!

И если вдруг качнётся мир,
замучают кошмарики,
не позабыть бы в этот миг:
важней всего – сухарики!

**А внучкам лишь один совет
от бабушки от старенькой:
поверьте в то, что слаще нет
солёных сухариков!**

Надежда ВОРОНОВА

МЕЖДУ НАМИ

автор Татьяна СИРОТА

Не хочу расставаться с тобой...
Ни на миг и ни на минуту...
Ведь в душе моей едкая боль,
Если вновь мы
с тобою в разлуке...

Я хочу быть с тобою всегда:
В зной, в дожди,
и при облачном небе...
Чтобы видеть родные глаза...
Чтоб с тобою быть,
где бы ты ни был...

Чтоб смогла я тебя обнять,
И побыть хоть немного
счастливой...
Чтоб нежно могла поцеловать
Зная, что это взаимно...

А сейчас мы с тобою в разлуке...
Пустота внутри гложет меня...
Мой родной... расставание
— мука,
И мне так не хватает тебя!!!

И в душе моей тьма дремучая...
Одиночество... И слеза
Самая горькая, самая жгучая
С грустных глаз моих потекла...

С нетерпением жду нашей
встречи,
Чтобы вновь тебя увидеть,
Чтоб обнять тебя, милый,
за плечи,
И на ушко тебе прошептать:

«Не хочу расставаться с тобой...
Ни на миг и ни на минуту...
Ведь в душе моей едкая боль,
Если вновь я с тобою
в разлуке...»

* * *

И каждый день, и каждый вечер
Я с нетерпением жду звонка,
Считаю дни до нашей встречи,
Когда увижу вновь тебя!

Ты береги себя, любимый!
И знай, тебя я верно жду!
И помни, дорогой, родимый:
Лишь одного тебя люблю!

* * *

Я уже практически сломалась,
И не нужно было ничего...
«Сколько раз ты, сердце,
разбивалось...
Нет, не встретишь
счастья своего...»

Я уже отчаялась немного,
Свое счастье я уж не ждала.
Но судьба сыграла по-иному:
Вдруг внезапно счастье
мне дала.

А у счастья очи голубые,
И веснушки ж по всему лицу.
Снова я, как во времена былые
С счастьем я по жизни вновь иду.

И хочу сказать «спасибо» Богу,
За такое счастье, что мне дал!
Связаны мы, видимо, судьбою...
Счастье, знай, тебя я не предаю!

Я уже практически сломалась,
И не нужно было ничего...
Но любовь во мне ту,
что осталась,
Счастью подарю я своему!!!

* * *

А говорят, у инвалидов
Очень ранимые сердца...
У этих чутких индивидов
Всех человечнее душа.

И вот знакома я с одним,
Из этих чутких индивидов,
Он стал мне другом дорогим,
Я не считаю его инвалидом!

Он не такой как все, согласна,
Но есть за что его любить:
За сердце доброе, отвагу,
За то, каким он может быть:

Печальным, может быть веселым,
С тоской, иль искоркой в глазах.
Стеснительным быть может,
скромным,
С улыбкой милой на устах...

Он настроенье поднимает
Своими шутками и смехом,
Своих он целей достигает,
По жизни он в ладу с успехом.

И пожелать ему хочу я
Любовь скорей свою найти!
Чтоб обнимая и целуя,
Она смогла его спасти:

От одиночества, страданий,
От мук и боли этой страшной.
И пусть приложит все старанья,
Чтоб было это не напрасным!

А вам хочу сказать я, люди,
Не важно, инвалид он или нет,
Любите прежде вы за душу,
Каким бы ни был внешне
человек!

автор **Владимир ДОРОФЕЕВ-КИШАРОН**

член Международного союза писателей – Новый Современник

И зима обжигает метелью,
И весна золотит седину.
Словно снится:
 за дальней горою
Жизнь бежала, стремилась,
 текла.
С добрым сердцем
 и русой косою,
Дочь берёзкою милой росла.
Соловьиные звонкие песни
В неизведанность звали
 как в рай.
И порой донимали болезни
И туманился взор невзначай.

Стаю бед, что у дома кружила
Как плохое забудем кино.
На виски, что метель серебрила
Золотое пусть льётся вино.

НЕЗНАКОМКА ОСЕНИ

Незнакомая птица ночная
За моим примостилась окном.
Чуть задумалась, дрожь отгоняя –
Дрожь осеннюю сильным крылом.
Ты откуда ко мне прилетела?
Весть, какую в ночи принесла?
С удивлением птица глядела –
Грусть мою, может быть, поняла.
Может быть, ей в тот миг

захотелось

Крепко хлопнуть меня по плечу –
«Радость жизни, куда наша делась?
Песни новые слышать хочу».
Но молчала дрожащая птаха,
Непонятна людская ей страсть.
Вновь зашаркала осень-неряха,
Незнакомка во мглу унеслась.

МИНОР

Облаком белым лето уплыло
За синекрылый, тихий простор.
Осень дыханием ноты раскрыла...
Арфы дождя играют минор.
С веток срываясь, вальсом
 кружится
Рыже-багряный мёртвый узор.
«Счастье, похуже,
 не возвратиться»: –
Ветры осенние тянут минор.
Счастье дышало мёдом июля
С эхом шепталось в звёздной тиши.
Счастье – шальная, звонкая пуля –
Вышла во тьму сквозь
 нежность души.

Осень листает ноты-страницы,
Песни ветров сливаются в хор.
Просинь небес слышит как птицы
К солнцу уносят долгий минор.
Ночь наступила. Свет полнолуныя
Мой освещает весёлый костёр
Пой песню жизни, осень-колдунья.
Дай мне надежду, светлый минор.

ОСЕНЬ С НОВА ЩЕДРА ЯНТАРЁМ

Осень снова щедра янтарём,
Озорно мне смеётся багрянцем,
Пишет нотные строки дождём,
В ночь манит сновидением-танцем.
Осень пристально смотрит в глаза,
Замечая и боль и усталость.
В вечной высе поёт бирюза,
Чтобы сердце беде не сдавалось.
Я впущу осень в тёплый свой дом.
Пусть легко ей, уютно живётся.
Золотятся полы янтарём
И на креслах багрянец смеётся.

ЗРЕЮТ ГРОЗДЬЯ РЯБИНЫ

Не поверю, что канули в лету
Ожиданья любви и тепла...
Вдохновлённому страстью поэту
В красоте сентября ты мила:
Мне желанен твой взгляд
 удивленья
Под улыбкой небес синевы...
Зреют гроздья рябины в смущеньи
В одеянии осенней листвы.

ОДА КЕФИРУ

Когда фортуна неучлива,
Когда ничтожным кажется
 весь мир,
Не водки требует душа, не пива –
Пью с наслаждением кефир.
Бокал до капли осушая,
О вечном размышляя не спеша
Я вижу, что фортуна злая
Полна любовью, как моя душа.
Возьму вкуснейший ломтик сыра –
Осенний дождь за окнами затих.
Любимая, пакет кефира
С тобой ещё «раздавим» на двоих?
Живущие в Москве и в Трире,
В Манчестере, а может на Луне
Поверьте: истина в кефире –
Никто не мог её найти в вине.

Пока работают Мозги,
Я не подохну от тоски.
А тронет тленом хворь Мозги...
Тогда, друзья, не до тоски...

* * *

Листва Осеннего бульвара
Янтарным плещется огнём.
Торопит струнами гитара
Тебя на встречу с Сентябрём.
Грустит домашний беспорядок,
В углу забыт житейский быт.
Наш час любви порою краток
И потому к себе манит.

* * *

Закрыв сомнения в неволе –
В пиратском старом сундуке,
Ты привыкаешь к новой роли,
Сжимая крепко боль в руке.
Плечом прохожих задевая,
Среди полуденной толпы
Идёшь, путь сердцем выбирая,
Не зная замысла судьбы.

* * *

Не веря тронам и законам,
Признав лишь праведный минор...
К плечистым, в ирокезах клёнам,
Что у скамьи ведут свой спор.
Ты подойди. И нежной страстью
Его скорее обними.
Вись улыбнётся Солнцем счастьем
И смолкнут клёны у скамьи.

ЗОЛОТОЕ ПУСТЬ ЛЬЁТСЯ ВИНО

Заполняя печаль мою келью,
Опьяняет подобно вину.

Б ы т ь с и л ь н ы м

Быть сильным, конечно, можно,
Когда за спиной есть тыл,
Туда возвращаться, возможно,
Куда бы ни уходил.
Тебе не страшны атаки,
Надежда всегда с тобой,
В тылу тебе раны залечат
Заботливою рукой.
Согреют тебя и накормят
Из общего котелка,
Дадут в тылу отсидеться,
Минует опасность пока.
Но так не однажды было,
И ты это должен понять:
А что ты один, без тыла? –
Ведь в тылу могут тоже предать.

Я живу от тепла и до стужи

Я живу от тепла и до стужи,
Я узнала приметку давно:
После тихого тёплого лета
Наступает зима всё равно.

Снегопад запорошит
дороги,
От меня до тебя не дойти,
Лишь одно утешает

немного:
Бабье лето всегда впереди.
Это время, как целая

вечность,
Но тогда постигается суть:
Верь и жди, и должна
неизбежность

Снова тёплое лето вернуть.
Я пройду по желтеющим
скверам,

Бабье лето там прячется
ведь,

И ко мне, как награда за веру,
В руки золото будет лететь.

Дождь крыши намывал в домах соседних

Дождь крыши намывал в домах
соседних
И их промокшим ветром вытирал,
Но, забыв о том через мгновенье,
Их вновь из долгой лейки поливал.

Прохожие с зонтами торопились,
Порой до неприличия грубы...

Лишь только крыши чистотой
кичились,
Свои упрямо выставив горбы.

Еду в Осень

Еду в Осень, поезд мчится,
Даль давно меня звала...
Из берёзового ситца,
Из тепла и из света.

Красным, жёлтым и зелёным
Промелькнула на пути,
Радостным, беззвучным звоном
Просит с поезда сойти.

Воздух стынет и немеет,
Тихо лист к земле летит,
Солнце уж почти не греет,
Просто Осень золотит.

Ты для меня – злotoк воды

Ты для меня – глоток воды,
И я, уставшая от жажды,
Осуществление мечты
В тебе увидела однажды.
Прохладный, чистый мой родник,
Вселяешь веру на спасенье,
Благодаря этому миг,
Когда своим люблюсь
отраженьем.

«Адмиралтейское танго»

Фестиваль «Адмиралтейское танго» проводится ежегодно с 2013 года в рамках мероприятий, посвященных Международному Дню инвалида в целях:

- пропаганды культуры и красоты, гармонии и совершенства личности;
- содействия обеспечению равного с другими гражданами доступа инвалидов к участию в культурной жизни общества, занятиям творческой деятельностью;
- улучшения качества жизни и повышение уровня социальной адаптации инвалидов в обществе;
- обмена опытом, установления творческих контактов при реализации работы по социально-культурной реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья.

В Доме молодежи «Рекорд» 19 ноября 2015 года прошел 3-й ежегодный городской фестиваль танцев на колясках «Адмиралтейское танго».

На открытии праздничного мероприятия с приветственным словом выступили: Президент Межрегиональной общественной организации «Федерация спортивных танцев на колясках», чемпионка мира Лозко Елена Петровна и заместитель начальника отдела социальной защиты населения администрации Адмиралтейского района Полонская Наталия Александровна.

Общее руководство подготовкой и организацией фестиваля осуществляет Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Адмиралтейского района» при поддержке администрации Адмиралтейского района Санкт-Петербурга.

В 2015 году в Фестивале приняли участие 10 команд районов города (более 60 человек), те, для кого инвалидная коляска – не приговор.

Состав участников многогранен и по возрасту и по составу. Возраст участников от 8 до 40 лет. В числе участников представители Центров реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Петродворцового, Невского, Колпинского, Центрального районов Санкт-Петербурга, воспитанники образовательных учреждений «Центра «Динамика» № 616 Адмиралтейско-

го района, школы № 584 «Озерки» Выборгского района Санкт-Петербурга, школы № 627 Невского района Санкт-Петербурга.

Особенностью этого года стало приглашение на фестиваль представителей общественных организаций инвалидов – Региональной общественной организации «Аревик» города Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской общественной организации инвалидов «Спортивный клуб «Танец на колесах».

Кроме инвалидов-колясочников, в конкурсе участвовали особые танцоры с тяжёлым диагнозом ДЦП, аутизмом, синдром Дауна, а также люди с ограниченными возможностями интеллекта.

Зрителям особенно запомнились танцевальные номера в исполнении настоящих профессионалов – танцевальных пар: Анны Рузановой и Вячеслава Осипова, выступающих от Адми-

ралтейского района, и Максима Седакова и Елены Кукушкиной, представляющих Санкт-Петербургский клуб «Танец на колесах». Исполнитель Осипов В.С. является многократным участником и победителем спортивных соревнований международного уровня по танцам на колясках, действующим чемпионом мира 2015 года. Седаков М.А. и Кукушкина С.Е. входят в состав сборной команды России, являются медалистами Европы и Мира.

Особый восторг в зале вызвал эстрадный танец «Арлекино», в исполнении ансамбля спортивного танца на колясках «Динамика», в котором также участвовал Максим Седаков и исполнял сольно на коляске сложные акробатические элементы в стиле брейк-данса.

Участники фестиваля были отмечены дипломами, сувенирными тарелками с логотипом фестиваля, а также подарками, приобретенными за счет благотворительных и спонсорских средств.

В фестивале приняли участие студия песочной анимации Детского Дома творчества «Измайловский» и Шоу «Мыльных пузырей» Александра Красильникова.

СПб ГБУ «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Адмиралтейского района»

Ох! Уж эта дружба!

Естественное течение дружбы, это что? Это как?

С ужасом и болью отмечаю, что при диком ускорении времени уходят из жизни мои друзья.

Человек может контролировать свои слова, свои поступки, но не может контролировать свои мысли. Они появляются независимо от наших желаний или нежеланий. Вот как сейчас. Пришла мысль поговорить о дружбе и ее особенностях. Говорить о том, в чем состоит настоящая дружба требует особого напряжения мысли, так как мучительная жесткая противоречивость нашего бытия востребует непростого ответа. Дружба понятие нравственное, и в какой-то степени, самоотречение. В дружбе есть притягательная сила, которой трудно противостоять, но легко можно ошибиться и глубоко разочароваться.

К примеру: я не раз сталкивалась с тем, что человек вместе с тобою радуется тому, чему радуешься ты. Во всем принимает участие. Он точен в мелочах. Но можно ли такого человека назвать своим другом. Может ли этот человек открыто выразить свое мнение, если ты допускаешь небезукоризненные поступки, ради того, чтобы сохранить эту дружбу. Здесь на проверку приходит время. Оно многое корректирует. Ф.М. Достоевский писал, что сердце человека это – то место, где встречаются Бог и Дьявол. Они, к сожалению, встречаются и в друзьях... в разное время.

Время очертило начало и конец, когда пришло время человеку родиться, отсрочки не будет. Умереть тоже. В дружбе по-другому. Ни одна лаборатория мира не может на вопрос как зарождается дружба и кто с тобою рядом. «Друг или враг или просто так». В дружбе мы заблуждаемся, надеемся, разочаровываемся, и нередко наступает депрессия и пустота в душе.

Без друзей – жизнь она другая! Это жизненная правда. И тогда жизнь подталкивает к мысли.

Ведите дневник, и вы в скором времени узнаете много нового о себе, друзьях и жизни в целом. Отмечайте в дневнике все свои чувства, мысли, эмоции, сны, и, разумеется, даты. Самое главное вы описываете в дневнике свои трудности и тем самым подталкиваете себя к их решению и начинаете нести ответственность за свою жизнь и выбор друзей.

Когда в руках у меня ручка и передо мною лежит дневник мне незачем сдерживать себя в своих эмоциях.

*Случайный лист сорвало с клена.
Дождливый день, унылый вид,
А он совсем еще зеленый –
Один в моей руке лежит.
А ты лети, лети, листок –
Туда где радости исток.
Туда где ветер чист и светел
Где все пронизано теплом.
Петербург он ведь большой,
Но в моей памяти хранятся адреса –*

*Где встретят этот
Крохотной души моей листок...
Философия жизни такова, что
Я перечислю эти адреса:
Лизы Чайкиной, дом 9,
Веденеева, дом 2,
Проспект Культуры 21/1.
Туда идешь не потому, что хочешь,
а потому, что не можешь не идти!!!*

Анна Ивановна ТРЮХАН

О любви в Новом году

Мы каждый Новый год встречаем
С надеждой счастья впереди.
Свои проекты намечаем,
Не забывая о любви.

Любви ведь не страшны года,
Она всегда найдет лазейку,
Мы с ней, надеюсь, навсегда
Составим милую семейку.

Вдруг ощущаешь близость и тепло
От той, что только чувством покорила.
Наверно, каждому понять дано –
Есть у любви магическая сила.

Я Новый год душою призову
Помочь мне справиться с мечтами.
Чтоб эту неземную красоту
Он мне помог всю нарядить стихами.

* * *

Кружат снежинки, все не зная,
Что принесет год впереди.
А мне, скажу я не лукавя,
И с високосным по пути.

Мечты полет неотразимый,
Хочу, чтоб каждый год принес
Любимым всем душевной силы,
А сердцу радость милых грез.

Не верю я в судьбу крутую,
Но знаю, что за все плачу.
И от души всем пожелаю
Не погасить любви свечу.

При этом крепнет ясность мысли,
Ее надежда на успех.
И пусть всегда с любовью к жизни
Вас согревает громкий смех.

Смех от души, а жизнь по нраву
Несет заряд душевных сил.
И я хочу, чтоб год грядущий
Вам только радость приносил.

С НОВЫМ ГОДОМ, ДРУЗЬЯ!

Юрий КАРАГОДИН

Сборная России по танцам на колясках выиграла 5 золотых, 4 серебряных и 6 бронзовых медалей на чемпионате мира, проходившем 7-8 ноября в Риме.

ЛУЧШАЯ В МИРЕ КОМАНДА

Команда России уверенно победила в командном зачете, заметно превзойдя результат, показанный два года назад на аналогичном мировом первенстве в Японии (3 золотые медали, 3 серебряные, 1 бронзовая).

Три награды высшего достоинства выиграла Галина Рыжкова из Санкт-Петербурга. Россиянка завоевала золотую медаль в паре с Вячеславом Осиповым (Санкт-Петербург) в категории комби латина, класс 2, стала победительницей в соревнованиях соло, класс 2 и первенствовала в номинации соло фристайл, класс 2.

Галина Рыжкова и Вячеслав Осипов также стали серебряными призерами в комби фристайл, класс 2.

Пара из Санкт-Петербурга Александра Бердник – Сергей Антонов выиграла состязания дуэтов – стандарт, класс 2.

Максим Седаков (Санкт-Петербург) стал чемпионом мира в программе соло, класс 2.

Серебряные награды завоевали: Дмитрий Торгунаков – соло, фристайл, класс 2, Ирина Гордеева и Дмитрий Торгунаков (Москва) – дуэты, стандарт, класс 2. Александра Бердник и Сергей Антонов (Санкт-Петербург) – дуэт латина, класс 2.

Бронзовые медали – у Светланы Кукушкиной и Максима Седакова (Санкт-Петербург) – комби латина, класс 2. Александры Бердник (Санкт-Петербург) – соло класс 2, Анастасии Василенко (Москва) – соло класс 1. Светланы Кукушкиной и Максима Седакова (Санкт-Петербург) – комби фристайл, класс 2, Сергея Антонова (Санкт-Петербург) – соло класс 2. Татьяны Скворцовой и Станислава Шешукова (Тюменская область) – комби стандарт, класс 2.

Президент Федерации спортивных танцев на колясках, чемпионка мира Елена Лозко, тренеры нашей легендарной сборной – Константин Васильев, Ирина Волкова и Нина Андреева – это те люди, благодаря которым сборная России отлично выступила на Чемпионате мира.

Фото Марина БАКАНОВА

Благотворительный фонд помощи детям «Детский КиноМай» и Санкт-Петербургская организация Союза кинематографистов

России при поддержке социальных партнеров БФ «Система», БФ «Детский мир», БФ «Расправь крылья!», МТС – ведущий телекоммуникационный оператор, ОАО «ОТП-Банк», Государственного Русского музея и киностудии «Ленфильм», провел с 30 октября по 4 ноября VI Санкт-Петербургский благотворительный кинофестиваль «Детский КиноМай». Более подробно расскажем в очередном номере.

2016

ЯНВАРЬ

Пн 4 11 18 25
Вт 5 12 19 26
Ср 6 13 20 27
Чт 7 14 21 28
Пт 1 8 15 22 29
Сб 2 9 16 23 30
Вс 3 10 17 24 31

ФЕВРАЛЬ

Пн 1 8 15 22 29
Вт 2 9 16 23
Ср 3 10 17 24
Чт 4 11 18 25
Пт 5 12 19 26
Сб 6 13 20 27
Вс 7 14 21 28

МАРТ

Пн 7 14 21 28
Вт 1 8 15 22 29
Ср 2 9 16 23 30
Чт 3 10 17 24 31
Пт 4 11 18 25
Сб 5 12 19 26
Вс 6 13 20 27

АПРЕЛЬ

Пн 4 11 18 25
Вт 5 12 19 26
Ср 6 13 20 27
Чт 7 14 21 28
Пт 1 8 15 22 29
Сб 2 9 16 23 30
Вс 3 10 17 24

МАЙ

Пн 2 9 16 23 30
Вт 3 10 17 24 31
Ср 4 11 18 25
Чт 5 12 19 26
Пт 6 13 20 27
Сб 7 14 21 28
Вс 1 8 15 22 29

ИЮНЬ

Пн 6 13 20 27
Вт 7 14 21 28
Ср 1 8 15 22 29
Чт 2 9 16 23 30
Пт 3 10 17 24
Сб 4 11 18 25
Вс 5 12 19 26

ИЮЛЬ

Пн 4 11 18 25
Вт 5 12 19 26
Ср 6 13 20 27
Чт 7 14 21 28
Пт 1 8 15 22 29
Сб 2 9 16 23 30
Вс 3 10 17 24 31

АВГУСТ

Пн 1 8 15 22 29
Вт 2 9 16 23 30
Ср 3 10 17 24 31
Чт 4 11 18 25
Пт 5 12 19 26
Сб 6 13 20 27
Вс 7 14 21 28

СЕНТЯБРЬ

Пн 5 12 19 26
Вт 6 13 20 27
Ср 7 14 21 28
Чт 1 8 15 22 29
Пт 2 9 16 23 30
Сб 3 10 17 24
Вс 4 11 18 25

ОКТЯБРЬ

Пн 3 10 17 24 31
Вт 4 11 18 25
Ср 5 12 19 26
Чт 6 13 20 27
Пт 7 14 21 28
Сб 1 8 15 22 29
Вс 2 9 16 23 30

НОЯБРЬ

Пн 7 14 21 28
Вт 1 8 15 22 29
Ср 2 9 16 23 30
Чт 3 10 17 24
Пт 4 11 18 25
Сб 5 12 19 26
Вс 6 13 20 27

ДЕКАБРЬ

Пн 5 12 19 26
Вт 6 13 20 27
Ср 7 14 21 28
Чт 1 8 15 22 29
Пт 2 9 16 23 30
Сб 3 10 17 24 31
Вс 4 11 18 25

29 ноября 2016 года - 25-летие со дня Возрождения «РИ»

Тел./факс (812) 233-71-81

E-mail: rinvalid@nm.ru; www.rinvalid.ucoz.ru